
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Терентий Семенович Мальцев — полевод колхоза «Заветы Ленина», директор Шадринской опытной станции в Курганской области, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР.

Фото И. Тюфякова.

На первой странице обложки: Любовь Серова приехала на освоение целинных земель Алтая из Москвы, с Автозавода имени Сталина. Она работает в Назарьевской МТС и получила на трудодни помимо зерна и другие сельскохозяйственные культуры. В колхозе имени Энгельса Л. Серовой выдано только одних арбузов 324 килограмма.

Фото Галины Санько.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1431) 14 НОЯБРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, 7 ноября 1954 года. Демонстрация представителей трудящихся на Красной площади.
Фото А. Новикова.

На трибуне Мавзолея 7 ноября 1954 года. Слева направо: товарищи **П. Ф. Жигарев, Н. Г. Кузнецов, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.**

ПАРАД И ДЕМОНСТРАЦИЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Министр Обороны Маршал Советского Союза Н. А. Булганин принимает рапорт командующего парадом генерала армии К. С. Москаленко.

Руководители партии и правительства в Кремле перед выходом на Красную площадь. ↓

Фото Дм. Бальтерманца
и А. Гостева.

Марш артиллерийских частей.

В рядах демонстрации.

Широким флотским шагом идут советские военные моряки.

Ленинград. В вечерний час на Неве.

Минск. Колонны демонстрантов на Центральной площади.

Киев. На Крещатике 7 ноября.

Архитектор Уго Феруфино, член делегации общественных и культурных деятелей Боливии, в праздничные дни побывал в детском саду московской фабрики «Красный Октябрь».

Фото Н. Ананьева, Дм. Бальтерманца, А. Бочинина, А. Гостева, Н. Козловского, М. Минковича, Е. Тиханова.

Москва в праздничный вечер.

В такой палатке-гостинице в глухой степи остановились первые гидростроители

Прошло четыре года, и на этом месте возникает город...

НОВЫЙ ГОРОД НА ВОЛГЕ

Марина ГОЛОВКО

Фото Ю. Яковлева.

...Раннее утро. Сверкающая гладь Волги. Рассекая воду, плывет по реке белый катер по направлению к городу Волжскому. На борту запевают: «Костры горят далекие, луна в реке купается...» Песню дружно подхватывают молодые голоса. В новый город едет пополнение.

Песня затихает. Юноши и девушки окружили пассажира со звездой Героя Социалистического Труда на груди.

— Скажите, вы не из Волжского?

— Оттуда.

— А что, Волжский действительно похож на город? — спрашивает Свенгали Бадалян.

Бадаляну, инженеру-электрику, окончившему Ереванский институт и получившему направление на работу в Волжский, не терпится скорее узнать все о городе, в котором ему предстоит жить и работать. Расспрашивают «старожила» и Юрий Герасимов из Горького, и Георгий Гороховский из Харькова, и Мария Куреная из Запорожья, и Людмила Пивоварова из Москвы:

— А дома в Волжском деревянные? Или уже каменные?

— Электричество проводится?

— А баня есть?

Василий Иванович Елисеев, один из создателей города Волжского, отвечает с некоторой обидой за свое детище:

— Нашли, о чем спрашивать — электричество, баня... Потерпите минут пятнадцать и сами все увидите.

У причала приехавших встретил автобус, такой же, какие курсируют в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси. И вот он уже мчится по широким асфальтированным улицам белокаменного города, радующего новизной красивых зданий.

— Вот он, наш Волжский, один из самых молодых в стране! — обводя широким жестом город, говорит спутникам Василий Иванович.

Как же возник этот город?

...Была суровая осень. В приволжской степи то дули холодные ветры, неся за собой тучи песка, то шли проливные дожди. Посеревшая Волга сердито билась о берега. В один из таких непогожих дней на крутосклоне, у которого берет начало Ахтуба, появились строители. Вокруг, кроме пяти—шести полуразвалив-

— Вот он, наш Волжский!..

Двести пятьдесят тысяч деревьев посажено в новом городе.

Ремонтируют грузовые машины.

Уроженцы молодого города.

шихся домишек, наследия села Безродного, — никаких построек не было.

Строители раскинули брезентовую палатку, зажгли керосиновую лампу. Прежде всего надо было осветить местность. Инженеры-электрики И. Винник и Г. Шелехов вместе с рабочими-монтажниками поехали в прилегающие районы рубить лес. Из этого леса изготовили столбы, протянули электролинию, и в глухой степи зажглись первые огни. Огни послужили сигналом: жизнь города строителей Сталинградского гидроузла началась!

Вскоре к разгрузочной станции, вернее, к товарному вагону, снятому с рельсов, начала прибывать мощная техника: экскаваторы, бульдозеры, скреперы, самосвалы, подъемные краны. Днем и ночью к строительным площадкам продвигались автомобили с грузом.

Не прошло и месяца, как огромные экскаваторы, нарушая степную тишь, с грохотом и лязгом вгрызались в приволжскую землю, бульдозеры сгребали ее, двадцатипятитонные самосвалы сбрасывали в сторону. Со всех республик съезжались рабочие, опытные специалисты, молодежь, окончившая институты. Вооружившись техникой, люди преодолевали сопротивление окаменевшей земли.

Вскоре строители заложили фундамент первого каменного дома.

Миновало еще несколько лет, и газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июля 1954 года: рабочий поселок гидростроителей преобразован в город областного подчинения, и ему присвоено наименование — Волжский.

...Ветер несет песок и пыль со строительных площадок, но на широких, просторных улицах города чисто. Только что проехала уборочная машина с механическими щетками, а за ней, распустив павлиний хвост из водяных струй, поливочная. Стройными рядами стоят двух- и трехэтажные дома. Первый квартал... второй... третий... четвертый... По шоссе движутся грузовые машины со щебнем, кирпичом и досками, автобусы.

На Фонтанной аллее и набережной разбиты скверы, между кварталами — бульвары, на которых множество цветов. Вдоль четвертого квартала движется машина: она бурит землю, а за ней тянутся вереницей грузовики с большими деревьями. Подъемный кран поднимает эти деревья и сажает в ямы.

Более миллиона цветов и двести пятьдесят тысяч деревьев посажено в городе.

Шумно и оживленно в центре. Магазины, столовые и павильоны полны народу. Пошивочные мастерские и ателье мод перегружены заказами. Заканчивается строительство комбината бытового обслуживания. Сооружается крытый рынок.

В западной части — больничный городок, выросший из врачебного пункта, который не так давно размещался в двухкомнатном деревянном домике и имел штат из трех человек. Теперь здесь большая, хорошо оборудованная больница, поликлиника с тридцатью кабинетами по всем специальностям, родильный дом.

Познакомились мы и с уроженцами молодого города. Их уже тысяча двести семьдесят пять человек.

В Волжском девять новых детских садов и яслей, двенадцать школ.

Квартал № 1. Здесь начинал создаваться город. Хозяйка квартиры № 16 дома № 10 Александра Сергеевна Маринкова любезно открывает дверь.

— Это наша столовая, это спальня, это детская. У нас паровое отопление, электричество, телефон. А вот кухня и ванная комната с горячей водой.

Заканчивается строительство двух кинотеатров и первой очереди Дворца культуры — фундаментального здания, которое не уступит по своей красоте драматическому театру в Сталинграде. Около набережной сооружаются стадион на десять тысяч зрителей, спортивные павильоны и зимний водный бассейн.

Растет город и с ним его население. К только что принятому дому прибивают номер, а в окне уже висит занавеска...

В новых домах поселились семьи рабочего Г. Н. Федорова, мотористки И. И. Коноваловой, шофера А. И. Иващенко, жестянщика А. С. Тихонова, штукатура Н. Д. Маркова.

Жители Волжского могут гордиться и крупными предприятиями: автомобильная база на 400 машин, заканчивается строительство заводов арматурного и плит-оболочек. Большие работы ведутся на строительстве авторемонтного механического завода. В одном из цехов уже ремонтируют грузовые машины.

Ночь. Город засыпает здоровым, крепким сном. Волга мерным всплеском волн убаюкивает новорожденного...

На Волге.

ОБНОВЛЕННЫЙ КРАЙ

З. А. ЛЕБЕДЕВА,

директор Института туберкулеза Академии медицинских наук СССР

Якутск. Новый жилой дом на Октябрьской улице.

«Деревянным городом» называли еще недавно Якутск. Даже трехэтажные и четырехэтажные здания, больничные городки, помещение пожарной команды, музей были построены из бревен и покрыты деревянными крышами. Дощатые тротуары, деревянные мосты, торцовая мостовая и деревянная изгородь палисадников...

Издавна считалось, что слой вечной мерзлоты, лежащий на небольшой глубине, является препятствием для строительства каменных домов. Но смелые люди решили делом опровергнуть это. В 1950 году в Якутске был по-новому сооружен первый трехэтажный каменный дом.

С тех пор вступили в строй новые жилые дома и школы. Сейчас над городом высятся многочисленные металлические краны, поднимающие кирпич на стены третьих—четвертых этажей. Строятся школы, здания банка, театра.

Строительство идет не только в столице Якутской АССР. Меняют свой облик и другие населенные пункты республики: выстроены и строятся электростанции, больницы, школьные интернаты, санаторные лесные школы. Есть колхозы, в которых уже не видишь ни одного старого, глинобитного хотона.

* * *

В колхозе имени К. Е. Ворошилова, в деревне Табага, мы познакомились с многодетной матерью Ефросиньей Федоровной и ее мужем Иннокентием Васильевичем Лобановыми. У Лобановых одиннадцать детей. Мы застали дома семерых. Старший, Иннокентий, 20-летний юноша, окончил в этом году речной техникум в Якутске и уехал работать заместителем начальника гидротехнического узла в Витим. Отец с гордостью рассказывал о нем:

— Его любили в техникуме. Начальником направляли, но он не решился. Подумать только, начальник: одних бакенщиков девяносто человек на линии работает! Надо хозяйство вести, средствами распоряжаться. И правильно сделал, что пошел в заместители. Пусть жизнь повидает, у старших поучится.

Двое других сыновей работали в колхозе, старшая дочь уехала отдыхать. На стенах одной из комнат мы увидели карандашные и акварельные рисунки. «Подвиг охотника» — назывался один из них и «Олень в горах» — другой. Оказывается, один из уехавших в колхоз сыновей любит рисовать.

— Везде рисует. Оттого и учится без должного прилежания,— с некоторым упреком рассказывает мать.— Альбина помоложе, а его обогнала: идет в педучилище.

Но чувствуется, что мать гордится сыном. Ефросинья Федоровна мечтает о том, чтобы он учился в художественной школе.

В семье — правильные взаимоотношения родителей с детьми. «Муравейник», как зовут они малышей, живет своей жизнью. Старшие девочки одевают, кормят малышей. У каждого свои обязанности. Вместе с тем к интересам каждого в семье относятся с большим вниманием. Все балуют второклассницу восьмилетнюю Любу за ее грациозность, подвижность, общительность. Четырехлетние близнецы Коля и Миша еще никогда не разлучались, и всюду их можно видеть вместе. Галя учится очень хорошо. Она уже в четвертом классе, но более слабенькая, чем остальные. Поэтому ее отправили на все лето к тете: «У нее поспокойнее. Она там отдохнет». Самый любимый — десятимесячный Сережа.

Ученики Абагинской школы получили кубок и грамоту, заняв первое место в лыжных соревнованиях на приз газеты «Молодой коммунист».

— Как вы управляетесь с таким семейством? — невольно удивилась я.

— Забот, конечно, немало,— сказал Иннокентий Васильевич,— но государство хорошо помогает: на каждого единовременно получили пособие и ежемесячно на младших получаем. В колхозе в прошлом году 724 трудодня выработали, да и в этом году не меньше выработаем, чем в прошлом.

— А сегодня мама орден будет вечером получать,—вставляет Люда.— Ведь она давно уже у нас мама-героиня.

Ефросинья Федоровна и Иннокентий Васильевич Лобановы с детьми.

* * *

В Табаге мы побывали в медицинском пункте, в сельских яслях, а также в яслях, приехавших на летний сезон из Якутска.

Царская Якутия была одной из самых неблагополучных в санитарном отношении областей. Огромная смертность уносила в могилу почти половину населения в раннем детском возрасте.

Туберкулез, трахома, желудочно-кишечные заболевания поражали не только целые семьи, но и районы, а медицинское обслуживание было отсталым, не имело никакого влияния на оздоровление населения.

Шаманы и бабки пользовались гораздо бóльшим авторитетом, чем фельдшеры и редкие гости — врачи.

В 1910 году, например, на всю Якутскую область было около 20 врачей, половина из которых работала в городе Якутске. Одна районная больница под руководством фельдшера обслуживала население территории в 200 тысяч квадратных верст. Не было ни одного санитарно-противоэпидеми-

ческого учреждения, ни одного родильного дома, ни одного детского лечебно-профилактического учреждения.

Другими стали теперь районы Якутии. На Крайнем Севере, в Нижне-Колымском районе, например, где до революции не было ни одного медицинского работника, сейчас три больницы, семь фельдшерско-акушерских пунктов, ясли. В Нюрбинском районе, где тоже раньше не было ни одного лечебного учреждения, сейчас есть районная больница, четыре участковые больницы, санитарно-эпидемиологическая станция, противотуберкулезный диспансер, два санатория, 10 фельдшерско-акушерских пунктов и другие лечебно-профилактические учреждения.

В республике открыто много родильных домов и женских консультаций, 15 санаториев, более 80 детских яслей, 33 санитарно-эпидемиологических станции, 22 зубоврачебных кабинета, зубопротезные лаборатории, грязелечебницы. В Якутии с ее обширными пространствами большую роль играет санитарная авиация, которая бесперебойно работает здесь с 1940 года.

Заслуженный авторитет завоевали в республике врачи и фельдшеры из местного населения, а также специалисты, прибывшие из других республик.

...На сессию Академии медицинских наук СССР, которая была проведена в этом году в Якутске, собралось более 300 врачей.

Это были представители различных разделов медицины — участковые врачи северных и южных районов Якутии, фельдшеры и акушерки, обслуживающие фельдшерские пункты, крупнейшие специалисты, кандидаты медицинских наук и заслуженные врачи. Для обмена опытом из Москвы приехали действительные члены Академии медицинских наук СССР и крупные специалисты-профессора. В своих выступлениях на сессии и на собрании Якутского научного медицинского общества местные медицинские работники рассказали о современном состоянии здравоохранения в Якутии.

Республиканский и городской противотуберкулезные диспансеры возглавили борьбу с туберкулезом. В Якутии сейчас применяются массовая противотуберкулезная вакцинация и ревакцинация. В клиниках Якутского филиала Института туберкулеза и в республиканской больнице применяются все новейшие методы диагностики и лечения. Заслуженный врач Якутской АССР Г. М. Кокшарский предложил оригинальный метод хирургического лечения при туберкулезе легких.

Все это не замедлило сказаться на состоянии здоровья населения Якутии. На сессии были заслушаны сообщения о резком снижении заболеваемости туберкулезом.

— Мы не узнаем своих стационаров,— сказала заслуженный врач республики Т. П. Дмитриева.— Характер туберкулезной болезни резко изменился с тех пор, как мы научились рано выявлять болезнь и своевременно начинать лечить больного.

— Мы научились лечить самое страшное проявление туберкулеза — поражение мозговых оболочек у детей,— докладывает старейший врач К. Д. Быстрова.

— Мы не чувствуем себя на далекой периферии,— говорит депутат Верховного Совета Якутской АССР Н. И. Ковалевская.— Мы имеем возможность повышать свою квалификацию. Нам предоставляются научные командировки, во время которых мы знакомимся с новейшими достижениями науки в стране.

Однако врачи Якутии далеки от самоуспокоения и энергично добиваются новых успехов в деле охраны здоровья своего народа.

* * *

О развитии национальной культуры, о значительно выросшей сети просвещения в республике нам рассказала Мария Дмитриевна Нартахова — председатель Президиума Верховного Совета Якутской АССР.

Председатель Президиума Верховного Совета Якутской АССР Мария Дмитриевна Нартахова.

Интересен ее жизненный путь: Мария Дмитриевна — уроженка Абагинского наслега, Олекминского района. После окончания семилетки она училась на курсах пионервожатых, на рабфаке. Работала учительницей, была председателем колхоза. В течение последних семи лет работала министром социального обеспечения, а в апреле 1954 года ее избрали председателем Президиума Верховного Совета Якутской АССР.

В Якутске открыт филиал Академии наук СССР. Имеется педагогический институт. В республике 592 школы, 17 техникумов, 36 домов культуры, 300 сельских клубов, около 700 библиотек, 4 краеведческих музея и художественный музей.

Мы познакомились с заместителем директора педагогического института Марианной Алексеевной Чудиновой. Скупо рассказывает она о своей жизни. Дочь крестьянина-бедняка. Раннее детство ее протекало в нужде и лишениях. Уже при Советской власти М. А. Чудинова получила среднее образование и стала учительницей в одном из отдаленных районов Якутии. В 1929 году Якутский обком партии командировал ее в Ленинградский педагогический институт. В 1937 году она защитила диссертацию и получила звание кандидата педагогических наук, после чего работала сначала преподавателем педагогического училища и педагогического института в Якутске, а затем доцентом кафедры педагогики и психологии.

М. А. Чудинова показывала нам учебное опытное поле. Мы встретили двух студентов, которые жили тут же, в шалаше. Они вели наблюдения над злаками, овощами и рассказали нам и о знатном овощеводе М. Г. Егорове. Помидоры и огурцы, выводимые в теплицах колхоза «Новая жизнь» по его методу, созревают к 1 мая. За новые методы выращивания овощей он удостоен Сталинской премии.

* * *

Издавна славится якутское народное искусство. Сколько наблюдательности проявляют мастера резьбы по кости и по дереву! Какой своеобразный, тонкий вкус обнаруживают вышивальщицы бисером, серебром и шелком!

Есть в Якутии прекрасные сказители и народные певцы.

В студию якутского радио мы попали, когда дирижер симфонического оркестра Г. М. Кривошапко репетировала с оркестром новую симфонию, а хормейстер якутского радио Ф. А. Баишева работала с хоровой группой над новой песней.

Некоторые классические оперы, романсы и песни студия передает в эфир на якутском языке.

Много якутов учится на национальных отделениях Московской и Уральской консерваторий. Среди них Наталья Петрова — трактористка из Таттинского района, Дарья Ларионова — доярка из Сунтарского района, Марина Попова, Елена Ипполитова... Через год они окончат учебу и вернутся на родину работать и учить других.

Ветеран прощается с заводом

Товарищи по цеху прощаются с П. А. Оленевым.

Фото А. Новикова.

В трудовой книжке кузнеца московского автозавода имени Сталина Петра Александровича Оленева значится: стаж — 66 лет. Он был среди тех, кто создавал первые отечественные автомобили. Ученики Петра Александровича, юные рабочие кузнечного цеха, с гордостью называют себя «внуками Оленева». Орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени и медали — свидетельства глубокого уважения народа к старейшему московскому кузнецу.

И вот наступил день прощания с родным заводом. Кузнец Оленев ушел на пенсию. Старость его обеспечена, не о чем ему беспокоиться.

С утра Петр Александрович медленно обошел огромные пролеты кузнечного корпуса. Все здесь дорого ему, все знакомо до мелочей.

В обеденный перерыв кузнецы собрались в красном уголке. Люди в замасленных комбинезонах пришли, чтобы сердечно приветствовать ветерана. На почетном месте сидит Петр Александрович. Он вглядывается в зал. Вон сидит Федин,— с ним начинал Оленев свой путь на заводе, а теперь Федин — начальник участка. Пришел сюда и начальник другого, кузнечно-заготовительного, цеха Хромилин. И его учил кузнечному делу старый мастер.

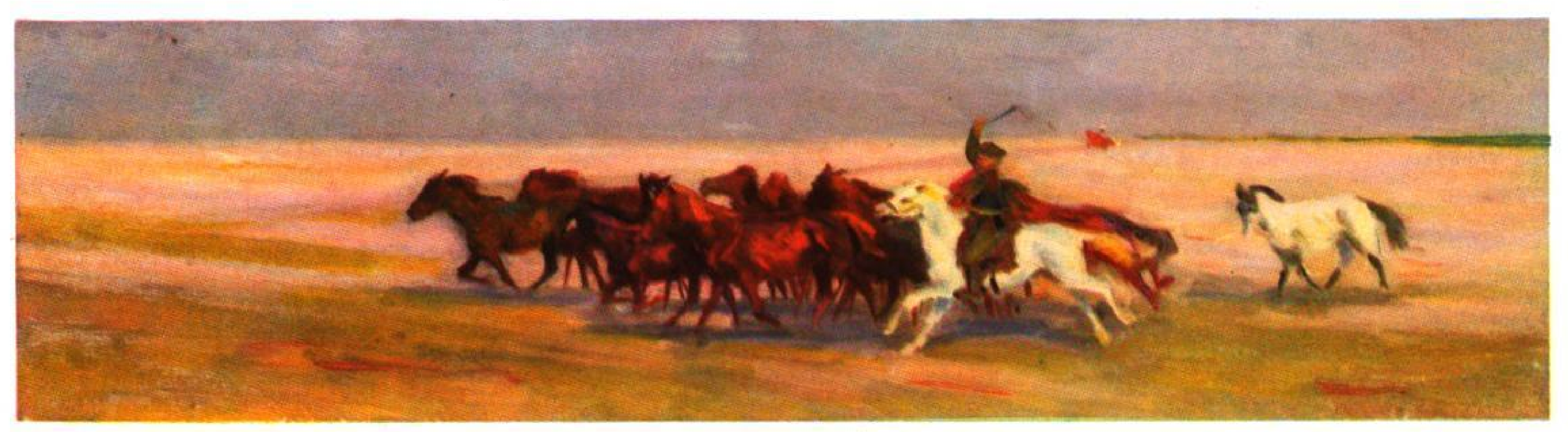
Петру Александровичу желают доброго здоровья, вручают подарки.

Н. УШАТИКОВ,
В. НИКОЛАШИН

Художники приехали с целины

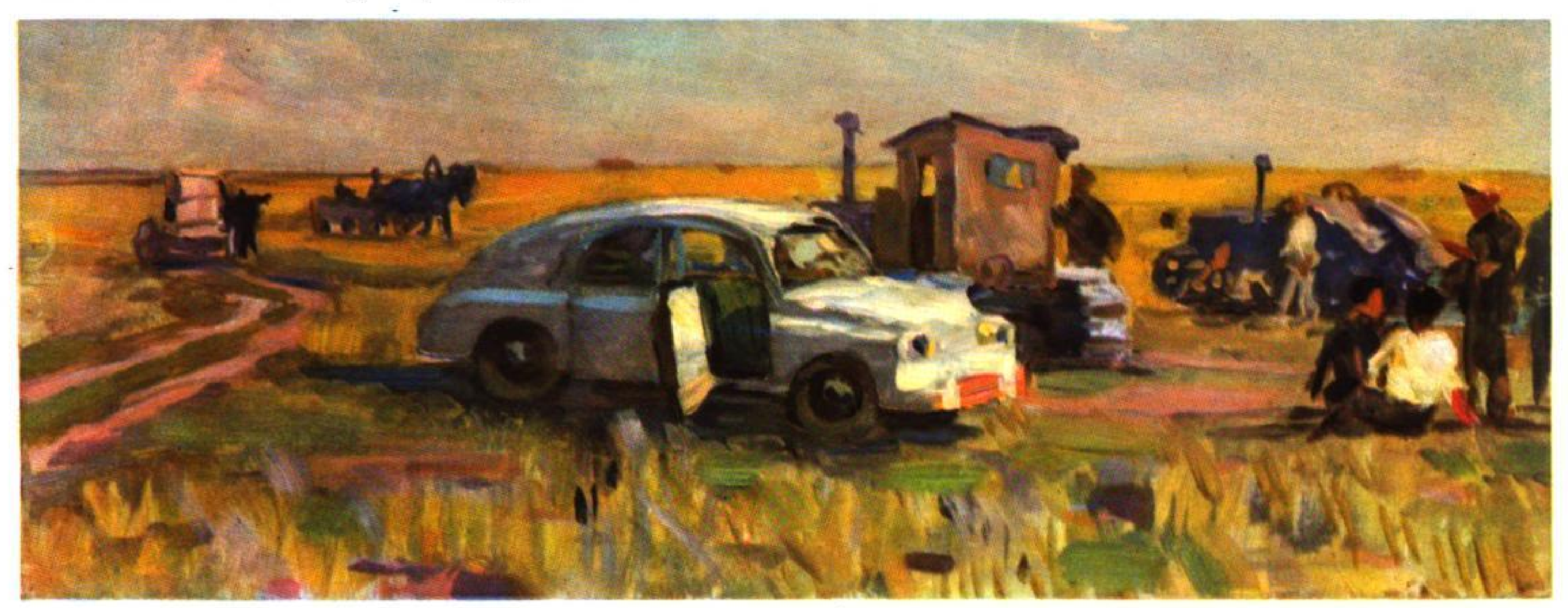
Многие художники в этом году побывали на целинных землях, с тем чтобы запечатлеть труд и быт приехавших туда советских людей.

Мы публикуем этюды, сделанные с натуры В. С. Захаркиным и Н. Н. Золотаревым, — живые и непосредственные впечатления художников. Многое запомнилось и взволновало живописцев на целинных землях. Они хотят создать большие произведения на эту тему.

Этюды В. С. ЗАХАРКИНА.
Ленинская МТС Кагановичского района, Павлодарской области.

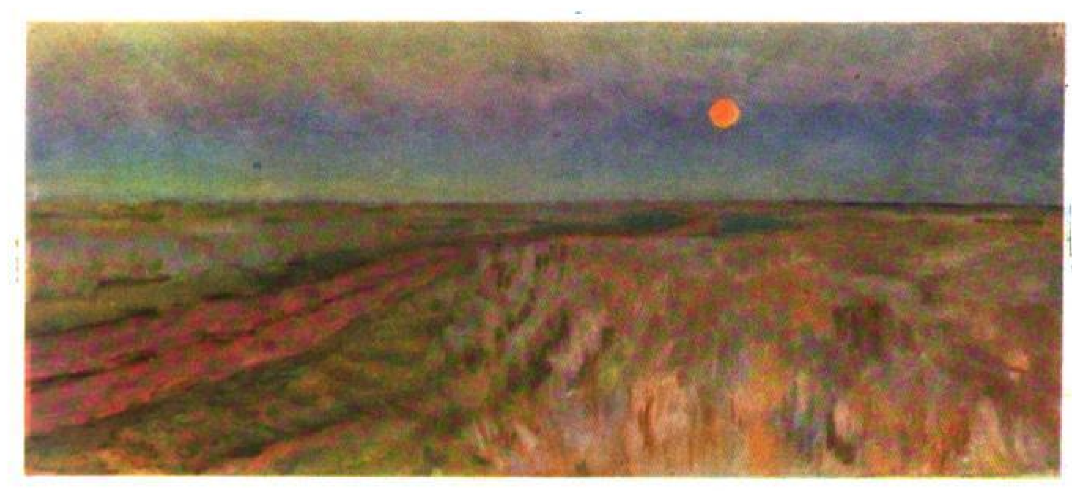
ТАБУН ЛОШАДЕЙ. КОЛХОЗ «КОМИНТЕРН», МАРКОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА.

ПОЛЕВОЙ СТАН БРИГАДЫ АЛЕКСАНДРА КУЗНЕЦОВА.

НА ЗАПРАВКЕ.
Полевой стан тамбовской тракторной бригады Александра Каверина.

ВЕЧЕР В СТЕПИ. БЛИЗ ДЕРЕВНИ МАРКОВКИ.

ОБЕД.
Бригада Геннадия Лукьянова.

ЗА ГОРЮЧИМ.

Большая победа

Колхозы и совхозы страны досрочно выполнили государственный план заготовок и закупок хлеба. На 5 ноября 1954 года сдано и продано государству хлеба на 289 миллионов пудов больше, чем на эту же дату в прошлом году. Заготовки и закупки хлеба продолжаются. С чувством радости и гордости встретил советский народ сообщение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР об этой большой победе.

Необычайной мощи технику получили колхозы и совхозы всей страны от государства. Лишь за 9 месяцев 1954 года на поля пришли 134 тысячи тракторов (в 15-сильном исчислении), 26 тысяч зерновых комбайнов, 81 тысяча грузовых автомобилей и большое количество других машин. Благодаря этой поддержке промышленности хлеборобы сумели в очень трудных условиях завоевать победу.

Казалось, капризная природа сделала все, чтобы помешать хорошему урожаю. Юг Украины и районы Поволжья постигла засуха.

Прекрасный урожай созревал в степях Северного Кавказа, но прорвавшийся из прикаспийских песков жестокий зной «захватил» хлеба. В невыносимой жаре комбайнеры и трактористы Кубани и Ставрополья творили чудеса трудовой доблести, чтобы спасти хлеб от суховея.

На огромных пространствах хлеб был убран всего за 12—14 дней, и опасность осталась позади. Так было выиграно первое сражение на полях.

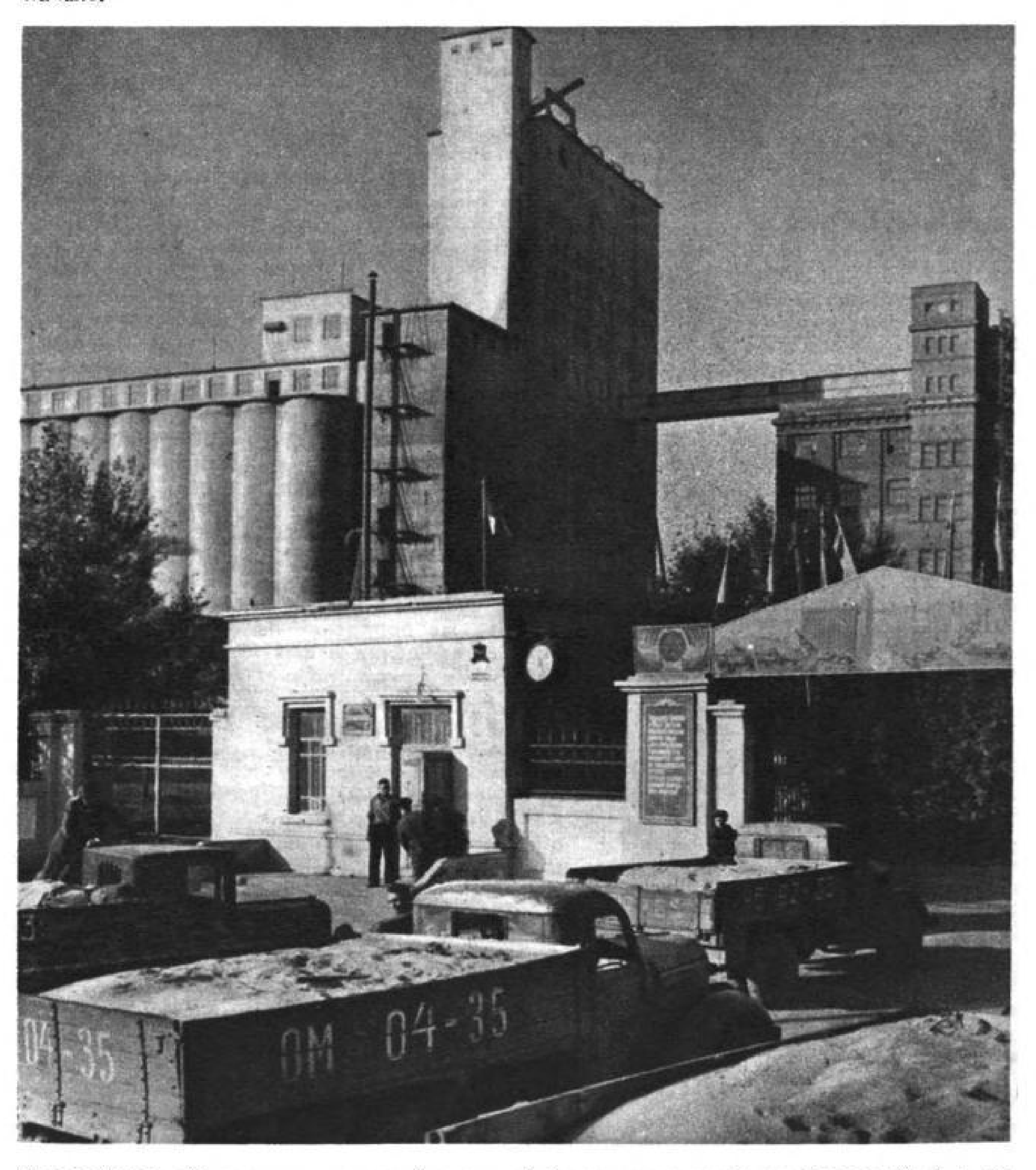
Тем временем обильный урожай созревал на севере и востоке. Но и здесь надо было торопиться. Над западносибирскими, алтайскими, казахстанскими хлебами нависла другая, не менее серьезная опасность — дожди. Они угрожали свалить прекрасный урожай и загубить героический труд добровольцев, осваивающих целинные и залежные земли.

По зову Коммунистической партии народ поднялся на битву за хлеб, выращенный в Сибири, Казахстане, на Алтае. Тысячи опытных комбайнеров Украины, Дона, Кубани двинулись туда со своими машинами. Десятки тысяч шоферов Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, привыкшие к ровному асфальту, помчались в Кулунду, Барабу и Казахстан, чтобы возить зерно по степным большакам. Вместе с комбайнерами и комбайнами, шоферами и автомобилями мчались эшелоны заготовителей с транспортерами, саморазгружателями, механическими лопатами, передвижными зерносушилками. Ехали директора заготовительных пунктов, техники, лаборанты, десятки тысяч рабочих с неотложным заданием — строить зерновые склады и на ходу, из-под комбайнов, принимать влажное зерно, сушить его всеми известными способами.

На помощь труженикам деревни пришли жители городов Сибири, Алтая, Казахстана. Свыше 100 тысяч рабочих и служащих Новосибирской области помогали убирать и сушить зерно. В Алтайском крае на уборку вышли 150 тысяч жителей городов. Так было и в Челябинске, Кемерове, Свердловске — всюду, где дополнительно требовалась неотложная помощь.

Кипучая творческая мысль и пламенный патриотический дух одолели препятствия, которые чинила стихия.

С волнением читаешь сообщение Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о выполнении государственного плана хлебозаготовок колхозами и совхозами Советского Союза из урожая 1954 года. Вдумываясь в неотразимо убедительные цифры, представляешь, какой огромный практический смысл заключала в себе задача, поставленная партией, — поднять целинные и залежные земли. Партия дала в руки народа ключ к изобилию хлеба. Ведь только Алтайский край благодаря освоению целины и залежей дополнительно собрал почти столько зерна, сколько дала его в этом году государству испытанная, надежная житница страны — Кубань. Колхозы и совхозы Российской Федерации собрали хлеба больше, чем в любой послевоенный год. А ведь это — только начало!

Новосибирск. На элеватор крупнейшего в Сибири мельничного комбината № 5 с самого начала уборки ежедневно поступали из районов освоения целинных и залежных земель тысячи пудов зерна нового урожая. На снимке: колхозные автомашины с зерном у элеватора мельничного комбината.

Фото В. Лещинского (ТАСС).

На занятиях по боевой подготовке.

Будни артиллеристов

Всего несколько дней назад их видела празднично-торжественная Красная площадь. Когда со стороны Исторического музея показались первые машины, все сразу узнали их: «Едут «катюши»!»

Реактивные установки, прославившие себя на фронтах, одна за другой вихрем проносились под восторженный гул приветствий. От Сталинграда до Берлина прошла в огне сражений эта гвардейская часть в годы Великой Отечественной войны. Ныне в первых рядах парадного строя трепетало боевое знамя с орденами.

...Парад окончен. Артиллеристы возвратились в свои казармы, к будням, заполненным напряженной боевой учебой, политзанятиями, веселым солдатским отдыхом.

День в военном городке расписан по минутам: занимаются орудийные расчеты, разведчики, топографы, связисты, в артмастерской трудятся оружейные мастера. Но вот, точно многоголосое эхо, разнеслись команды дневальных:

— Закончить занятия! Расчетам построиться у боевых установок!

Перед четким солдатским строем офицер объявляет благодарность за примерную службу. Особенно отличился расчет гвардии младшего сержанта Владимира Рябова. Отмечены также успехи гвардии рядового Юрия Щербакова. Не первый раз слышат воины фамилию Щербакова, получившего сегодня восемнадцатое поощрение. Это он на зимних учениях после ночного броска в числе первых оборудовал свою позицию и отлично замаскировал ее снежными брикетами; это он летом под проливным дождем за ночь отрыл наблюдательный пункт, выполнив работу, рассчитанную на троих. А сколько усилий и упорства проявил гвардеец, овладевая сложными современными приборами артиллерийского разведчика! Щербаков не только хорошо изучил все приборы, но и внес усовершенствование, ускорившее работу разведчика.

Командование предоставило передовому воину краткосрочный отпуск домой, в Москву. Юрий Щербаков встретился с женой Наташей — работницей одного из столичных предприятий; вместе сходили в музеи, театры.

...Перед Днем артиллерии во второй батарее идет оживленная беседа о боевых традициях. Ветеран части лейтенант Михаил Васильевич Хромов делится с солдатами воспоминаниями о боях под Сталинградом, под Варшавой и Берлином. Ефрейтор Алексей Давыдов посвящает товарищей в историю гвардейского знака, подаренного ему в день призыва отцом-фронтовиком; ефрейтор Феофан Мельник рассказывает об автомате № 104, в затворной коробке которого обнаружили записку: «С этим оружием я победно закончил войну в Берлине. Храни его как зеницу ока».

Лучший шофер батареи Григорий Ракуть получил письмо от друга с целинных земель.

Боевое оружие фронтовика в свое время было вручено одному из лучших воинов — ефрейтору Потапову, а когда он демобилизовался, автомат, словно эстафета воинской славы, перешел в руки ефрейтора Мельника.

В других батареях солдаты занимаются хозяйственными делами, пишут письма, читают газеты и книги. Доносятся звуки гармони и дружная песня.

Но не все свободны вечером. Первая батарея готовится к караульной службе. Раздалась команда строиться. Взяв автоматы, воины уходят в темноту — охранять свои боевые машины, отдых товарищей, тишину мирной ночи на советской земле.

В. ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Гостева.

ИВАН ФЕДОСЕЕВИЧ

Из деревенских встреч

Ефим ДОРОШ

Рисунки П. Караченцова.

1

Напротив базара, в одноэтажном кирпичном доме, побеленном известкой, помещается чайная Райгородской артели инвалидов. В обычные дни народу здесь немного, а вот в среду или в субботу, особенно зимой, когда со всего района съедутся на базар колхозники, то и дело хлопает, скрипя пружиной, набрякшая дверь, и вместе с посетителем в чайную входит облако морозного воздуха. Посетитель останавливается, снимает шапку, отдирает намерзшие на усы ледышки, стряхивает иней с косматого воротника овчинной шубы и степенно оглядывается, словно пришел в гости. «Пожалуйте в залу!» — угадав приехавшего из деревни человека, говорит буфетчица Раиса Кирилловна, худощавая женщина в белой курточке, с нестерпимо красными губами и ногтями.

Помещение, где за буфетной стойкой и большой пивной бочкой властвует Раиса Кирилловна, базарные остряки называют скорой помощью. Единственным его украшением служит темная, писанная маслом картина, влажная от встречных потоков холодного и теплого воздуха. Здесь задерживается лишь мимо бегущий райгородский житель, которому поскорее бы выпить кружку пива и побежать дальше по неизвестным своим делам. А приезжий из деревни, иззябнув с дороги, желает получить полное удовольствие и поэтому проходит в зал, куда ведет широкая, в виде арки, дверь.

В зале, за столиками, застланными поверх скатертей белой бумагой, полным-полно народу. Разговоры, если прислушаться, как в старое время на красную горку или в мясоед, когда по деревням играли свадьбы.

— Сватали нам его, сватали... — рассказывает дородная, уже немолодая женщина с опущенными на плечи платком и шалью, красная и распаренная от выпитого чая.— Возили его к нам, возили... А мы ему: не согласные мы. Так и досватался, что ославился!

— Чем же не показался он вам? — осведомляется сидящая напротив маленькая старушка, схлебывает остатки чая и отставляет блюдечко в сторону.— Может, слабограмотный? У нас вот тоже, покуда агронома себе не нашли, с полгода был такой: напишут ему все как есть, а он по бумажке сказать не умеет — спотыкается. А то еще бывает,— говорит она осуждающим шепотом,— вино жрут. А вино не снасть: дела не управит. Намаялись мы с таким вот виножором. В городе он теперь, в живом сырье, говорят, заведующим сидит. Бывало, представитель приедет, а он в стогу отсыпается — по ногам только и угадают. Что стыда мы с ним натерпелись, что горюшка...

Старушка достает из стакана разбухший кусок баранки, жует, шевеля запавшим ртом, затем, случайно взглянув на вошедшего в зал нового посетителя, показывает на него сердитыми глазами.

— А!.. Живая душа на костылях! — приветствует старушку посетитель, но та не отвечает, с достоинством поджав губы.

Человек этот, как я вскоре догадываюсь, и есть тот самый «виножор», о котором рассказывала старушка. Чуть покачиваясь, он идет к свободному столику, усаживается, берет нетвердой рукой меню, долго не может совладать с картонной коркой, наконец, раскрыв ее, принимается читать вслух нехитрый перечень блюд. На вид ему за пятьдесят. Когда официант приносит заказанную им рыбную солянку, он брезгливо копается ложкой в тарелке и говорит тоном знатока:

— Ого! С маслинами! Откуда вы их получаете?

— Из Кинешмы,— язвительно отвечает старый официант.

Я не знаю ни биографии этого человека, ни того, как стал он, если можно так выразиться, низовым руководящим работником. Легко представить себе, что году в двадцатом, вернувшись из армии, был он чуть ли не единственным грамотеем в деревне и по этой причине стал секретарем сельского совета. В простоте душевной он полагал, что рабочие и крестьяне свергли царя, прогнали капиталистов и помещиков только лишь для того, чтобы ему, в прошлом батраку, можно было жить, не работая. Он обленился, оброс жирком — деревенские бабы, приходя за какой-нибудь справкой, по старой привычке подносили начальству и сало и самогон,— и когда его все же попросили из сельсовета, то он, питая отвращение к физическому труду, правдами и неправдами пробрался в председатели сельпо. С тех пор, хотя никакой специальности у него нет,—впрочем, может быть, в силу этого обстоятельства,—о нем вдруг вспоминают в райкоме или в райисполкоме, когда возникает нужда заткнуть где-нибудь прореху. И он охотно соглашается на любую должность, лишь бы не работать...

Райгородские товарищи, ведающие кадрами, могут опровергнуть все мои предположения безукоризненной анкетой сидящего сейчас в чайной человека, могут возразить, что если и были у него выговоры, то все они в положенный срок снимались, но я предпо-

читаю прислушаться к тому, о чем рассказывает старушка своей пожилой собеседнице и подсевшей к ним широколицей румяной девушке с льняными кудерьками.

— Ревизия ему была,— доверительно и чуть ужасаясь шепчет старушка.— Как же! Открывает ревизия сгораемый шкаф, а там, не соврать, одни бумажки. И все фальшь. Селедку, пишет, покупал для борова — десять рублей, пол-литра для хворой коровы — двадцать три...

Пожилая женщина ахает и охает, правда, больше из вежливости, а девушка беззаботно смеется. Я знаю эту девушку: она из вексинского колхоза, где вот уже скоро двадцать пять лет председательствует Иван Федосеевич Варфоломеев, мой давнишний знакомый. Ее еще и на свете не было, когда Ивана Федосеевича впервые выбрали председателем, и она, должно быть, не представляет себе своей Вексы без дяди Вани, как называют Варфоломеева не только в районе, но и в областном центре.

Рассказанная старушкой история о председателе, который ездил в город покупать веревку и вместе с отчетом о командировочных расходах представил акт на покупку водки для коровы и селедки для свиньи, по всей видимости, воспринимается девушкой как некая вариация щедринской истории о глуповцах, тащивших теленка на баню и конопативших острог блинами.

— Это еще не диво! — улучив минуту, перебивает старушку пожилая колхозница и продолжает с тем оттенком хвастовства, с каким рассказывают иной раз о своих болезнях: — Нас-от свиньи мучают. И огороды все перерыли и ночью, Никола — свидетель, так и лезут в избу-ту, так и лезут. На ферме им ни прокорму, ни тепла, вот и спасаются, как звери лесные.

— Вы бы себе, дочка, тоже из агрономов поискали,— несколько покровительственно советует старушка и принимается в который уже раз хвалить нынешнего своего председателя. И аккуратный-то он у них, и уважительный, слова черного от него не услышишь...

— Сватали нам и агронома,— вздыхает женщина.— Такое оно молоденькое, такое деликатное... Где уж ему с нами!

— Неужто крысолова? — заливается вдруг девушка, и тугие кудерьки ее подрагивают, как пружинки.— Теперь и он в «женихи» вышел.

Должно быть, она имеет в виду фитопатолога, агронома по защите растений, которого, как мне говорили, действительно «сватают» какому-то колхозу. Здешние девчата всегда поднимают его на смех, когда он появляется на полях со своей ботанизиркой. Не то чтобы он был смешон, этот старательный, застенчивый юноша,— просто девчатам нравится наблюдать, как он смущается и краснеет, когда они начинают его дразнить.

Признаться, я никак не возьму в толк, почему специалиста по грызунам и гусеницам, к тому же еще робкого характером, недавно окончившего институт молодого человека, рекомендуют в председатели колхоза. Разве только лишь потому, что в анкете у него написано: агроном!

— И нам с ним не жизнь,— рассуждает женщина,— и его жалко. У нас-от один Федька с конефермы, Михайлы Шилова зять, на чем хочешь его опутает. Только и славы, что ученый, а самостоятельности в нем никакой.

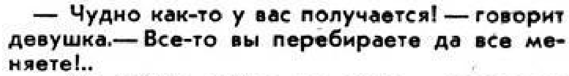
И она по-вдовьи вздыхает о хозяине, который вот как нужен их колхозу. Все здесь, в этой тоске по хозяину: и чисто бабья боль за свиней, бегающих без призора, и обида на неизвестного мне Федьку, который, надо думать, присосался к общественному добру и вертит нынешним председателем, как хочет, и обычное женское беспокойство о доме, о детях, еще не настолько взрослых, чтобы уехать из дому в другие места, где живут по-людски. Да хотя бы и взрослыми были они — каждой ведь матери хочется жить со своими детьми, нянчить внуков!

Я слушаю этот разговор, один из многих, какие ведутся об эту пору по деревням, и прихожу к мысли, что в «анкете», которую предложила бы заполнить кандидату в председатели почти каждая колхозница, куда больше вопросов, нежели в обычных анкетах. Разумеется, слово «анкета» употреблено мною фигурально. Речь идет о том интересе к человеку, который появляется, когда знаешь, что от этого человека зависит твоя жизнь.

Тут нет никакого преувеличения, потому что, сколько бы ни старалась вот эта женщина, ничего не достанется ей на трудодни, если в хозяйстве, как говорится, ни складу, ни ладу. А колхозное хозяйство, конечно же, в руках председателя. «Голова» — называют его на Украине, и я не знаю более точного слова, каким можно было бы одновременно охарактеризовать и должность и то, что означает она для такой вот женщины.

И вот именно потому, что женщина эта на себе испытала, каково жить людям с плохим председателем, она рассуждает куда правильнее иных райгородских руководителей. Женщина смотрит на «виножора», как он с пьяным упрямством тычется в каждую стену и не может угадать, где же здесь дверь. Потом она произносит с неторопливой, обдуманной жесткостью:

— Не-ет! Своего мы так не отпустим! Мы уж и сказали ему: скинуть скинем, а из колхоза никуда не поедешь, не надейся. Будет, походил с по́ртфелем! Дадим самую что ни на есть плохую лошадь, а ты поработай на ней, как мы... А то ведь,— обращается она к собеседницам,— выпусти его только, сейчас к другим повезут сватать.

— Чудно как-то у вас получается! — говорит девушка.— Все-то вы перебираете да все меняете!..

— От добра добра не ищут,— возражает женщина.— Был бы у нас Иван Федосеев, небось, не меняли бы. Несчастливые мы на председателей. И нам-от с нашим ничего, и государству с нас ничего.

— Ругатель он, Иван Федосеев! — неодобрительно замечает старушка.— Как чуть не по нему, так становит перед собой и ругает. Я ведь тамошняя, из Вексы была выданная, Ваньку ихнего знала мальчонкой. Вам-то он Иван Федосеев, а мне Ванька. Где ни встречу его, прямо в глаза говорю: за черные твои слова быть тебе, Ванька, в аду! А он, богохульник, смеется: «Я,— говорит,— бабушка, и сейчас вроде в аду».

Девушка объясняет, что у Варфоломеева с начальством нелады, все ему выговоры да выговоры — не поймешь, право, чем не угодил.

А старушка, недовольная тем, что ее прервали, будто не слышит этого и продолжает про свое. Видать по всему, она надеется на сочувствие пожилой колхозницы и говорит, ужасаясь: «Меня,— говорит,— бабушка, только помру, ангелы в рай возьмут!»

— И заслужил,— к удивлению старушки соглашается женщина.— Люди-то за ним как живут! Позавидуешь. Хозяйство-то какое нажили!

Пригладив ладонями волосы, она повязывает голову косынкой, затем платком, а поверх платка шалью. Она просит девушку подать ей на плечо мешок и корзину, связанные полотенцем, и, подумав, добавляет:

— По старине сказать, угодник он, Иван Федосеев,— пускай не богу, так людям. Вот они, вексинские,— кивает она в сторону девушки,— и гладкие, и одеты-то как, и учены... А осенью городом идешь — чьи машины в Москву с товаром бегут? Опять же вексинские. Одной мы с ними земли, одного звания, да председатели разные. Так-то!

И, повернувшись, она осторожно ступает между столиками, чуть наклонясь вправо под тяжестью корзины с городским хлебом и мешка, должно быть, с комбикормом для коровы,— рослая, выносливая женщина в залоснившейся стеганке и больших разношенных валенках.

2

— Покупным хлебом живут,— вздохнув, говорит девушка о пожилой колхознице.

— Нет,— продолжает старушка,— мы своим очень даже довольные... Уж так довольные... сказать нельзя.

Но я больше не прислушиваюсь к их разговору, потому что в чайную входит Иван Федосеевич, с которым мы условились встретиться в «задней комнате у инвалидов», как называют здесь третье, самое маленькое помещение, нечто вроде отдельного кабинета.

Года три, пожалуй, прошло, как мы познакомились с Варфоломеевым, и все же каждый раз, когда я его вижу, меня удивляет, насколько непохож он внешностью на того расчетливого, прямо сказать, оборотистого «председателя-миллионера», грозного с нерадивыми колхозниками и строптивого с недальновидным начальством, каков он есть по своим делам.

Трудно поверить, что этот неприметный пожилой человек в обвислом овчинном полупальто с грубым шинельным верхом, в сдвинутой на затылок шапке с опущенными ушами, неспешно, как бы безучастно входящий сейчас в зал, вот так же вошел однажды к председателю облисполкома и тихим, ровным своим голосом проговорил: «Я совхоз-от надумал купить. Как бы мне оформить купчую?» «То есть как это... совхоз?» — несколько даже растерялся председатель облисполкома. И когда Иван Федосеевич объяснил ему, что речь идет об инвентаре и постройках недавно ликвидированного подсобного хозяйства, он уже с интересом спросил: «Ну, и сколько же просят?» «Миллион»,— спокойно ответил Иван Федосеевич. Председатель облисполкома, что называется, опешил: «Где же ты такие деньги возьмешь?» «Так они рассрочку дают на четыре года»,— все так же спокойно продолжал объяснять Иван Федосеевич, достал карандаш и тут же на сорванном

им календарном листочке показал все свои подсчеты и расчеты: «Мы выплатим!» Было это еще до войны, и старожилы утверждают, что именно с этой покупки пошло развиваться хозяйство вексинского колхоза.

— Вон вы где! — найдя меня взглядом, по обыкновению негромко, с улыбкой говорит Иван Федосеевич.— Пошли в заднюю комнату.

И опять же ни этот несколько усталый голос, ни тем более улыбка — мягкая, деликатная, пожалуй, даже застенчивая — не дают основания предполагать, что Иван Федосеевич способен с обидной прямотой высказать все, что думает он о человеке, как это было вчера на собрании партийного актива. «Будет тебе горшки лепить! — постукивая кулаком по трибуне, говорил он заместителю председателя райисполкома, ведающему местной промышленностью.— К этому кого-нибудь из городских можно приставить. А ты, мужик, шел бы в колхоз председателем. Конечно, в какой поменьше — с большим-от не сладишь». И, нисколько не смущаясь тем, что нажил себе врага, Иван Федосеевич спустился со сцены и пошел на свое место, помахивая черной рыночной сумкой с застежкой «молния», с которой он никогда не расстается.

Удивительная вещь — сумка Ивана Федосеевича! Точно так же, как внешность самого Варфоломеева не отвечает ни его характеру, ни положению, точно так и сумка эта нисколько не отвечает тому, что в ней содержится.

Иван Федосеевич, раздевшись, кладет сумку на стул, и, если не знать, можно подумать, что сейчас он достанет из нее какую-нибудь привезенную из дому или же купленную на базаре снедь — печеные яйца, огурцы, домашнее сало,— как это делают многие посетители чайной.

— Читали, что «Правда» пишет? — спрашивает меня Иван Федосеевич и достает из сумки газету.— Тут хотя про виноград, как он исчез в одном среднем районе, но это и к нашему луку можно применить.

В сумке, кроме газеты с полюбившейся Ивану Федосеевичу статьей, хранится колхозная печать, лежат в ней и деловые бумаги: тезисы последнего выступления на партийном активе, памятные заметки, таблицы, выписки. И тут же, среди бумаг, обязательно лежит какая-нибудь книга: «Хаджи-Мурат» или же «Фома Гордеев», с которыми Иван Федосеевич почти никогда не расстается и которые при случае охотно цитирует.

— Телятину не будем брать! — откладывая в сторону меню, не то спрашивает моего согласия, не то решает Иван Федосеевич.— Свинину возьмем. Свиней-то мы стараемся откармливать, чтобы упитанные были, а телят сразу продаем, лишь бы не кормить... Тощая она, телятина.

Что бы ни делал Иван Федосеевич, с чем бы ни встретился в жизни, из всего он старается вышелушить то самое ядрышко, которое сокрыто под скорлупой. Помнится, когда я однажды приехал в Вексу, он показал мне только что построенный маслодельный завод. Мне хотелось сказать ему что-нибудь приятное, настолько хорош был этот деревянный домик с цементным полом, где еще пахло смолой и известкой, и я сказал нечто вроде того, что масло, конечно, прибыльнее продавать, чем молоко.

— Тут не в одном доходе выгода,— возразил Иван Федосеевич.— Тут вот еще в чем расчет: если торговать молоком, поросят поить нечем, а если маслом,— все снятое молоко, так называемый «обрат», останется в хозяйстве. Заводик этот не столь для масла нужен, сколь для свинины. Не из коммерции мы его открыли, а для правильного развития животноводства.

Должен сказать, что подобные рассуждения Ивана Федосеевича, подсказанные природной мужицкой сметкой и большим хозяйственным опытом, как это ни странно, очень часто вступают в противоречие с иными установлениями и правилами. Почему-то так получается, что председателя вексинского колхоза никак не втиснешь в эти правила и установления, как не втиснешь, бывает, ногу в тесный сапог. На мой взгляд, виноват здесь сапог, однако в Райгороде существует мнение, что всему виною нога.

Когда я впервые собрался в Вексу, второй секретарь Райгородского райкома партии Евдокия Афанасьевна Ростовцева, услышав об этом моем намерении, снисходительно улыбнулась и сказала с вежливой сдержанностью:

— Ваше дело, разумеется. Но только ставлю вас в известность, что на ближайшем бюро мы собираемся вынести Варфоломееву выговор.

Я спросил, в чем провинился Варфоломеев.

— Срывает план развития животноводства,— ответила Ростовцева.

Это меня удивило, потому что я слышал, что у Варфоломеева едва лучшие в районе фермы, и в тот же день, едва познакомившись с Иваном Федосеевичем, я без всяких околичностей спросил его, что у них тут стряслось.

Сперва он не понял моего вопроса, но когда я рассказал о своем разговоре с Евдокией Афанасьевной, большое продолговатое лицо его с тяжелым подбородком и высоким, переходящим в лысину лбом сразу поскучнело, словно ему смерть как не хочется говорить о случившемся, да вот докучают. Вероятно, чтобы не показаться невежливым, он все же ответил:

— Да тут у нас... бычка прирезали. Не по акту.

И вдруг, оживившись, как будто уже не мне, а кому-то другому, с кем приходится препираться чуть ли не каждый день, он стал объяснять, что при хорошо развитом животноводстве никак не обойтись, чтобы не прирезать иной раз бычка, свинью, а то и корову: или съест чего не надо, или вред себе какой-нибудь сделает, или другая стрясется беда.

— А резать нельзя... Акт от ветеринара нужен, что животное не способно дальше существовать и поэтому разрешается его забить. Только покамест этот ветеринар приедет, бычок-от возьмет да издохнет. Конечно, лучше бы ему дождаться, чтобы по всей форме пойти на котлеты, так ведь глуп! Впрочем, сказать, от этой его глупости никто не в обиде. У ветеринара порядок: составил форменный акт. У председателя тоже не хуже: получил по тому акту страховку да еще чего ни то за шкуру. И у начальства никакого беспокойства: по законной причине пал означенный бычок.

Иван Федосеевич посоветовал мне помножить бычка на количество колхозов и подсчитать, сколько же мяса теряем мы ежегодно, а потом произнес то, что впоследствии, когда мы сошлись поближе, я слышал от него не раз и что было едва ли не самым любимым его выражением:

— Мешает еще канцелярия производителям общественного продукта! — После чего добавил: — Ну, я не дамся!.. Хотя и нет у меня бумажки на бычка, зато кооперация парной убоинкой торговала.

Затем без какой-либо связи с предыдущим он вдруг сказал:

— У меня ведь как? Куда ни приду — в районное учреждение, в областное ли,— у меня везде друзья. Все старые комсомольцы из моей ячейки. И в партию-то они у нас вступали по нашему поручительству.

Я подумал, что Иван Федосеевич несколько струсил и успокаивает себя тем, что, когда его вызовут на бюро, друзья не дадут в обиду. Только много позднее, хорошо узнав Ивана Федосеевича, я понял, что если он и рассчитывал на друзей, то не из боязни выговора, а как солдат, которому легче драться, когда рядом товарищи. Будучи человеком практичным, пожалуй, даже осторожным, Иван Федосеевич никогда не употреблял эти свои свойства к тому, чтобы оградить себя от личных неприятностей. Он и должностью-то своей, казалось, не дорожил, во всяком случае, теми материальными благами, какие она давала ему, и на этот счет имел своеобразное суждение. Это было то место, на котором он мог принести наибольшую пользу, и если бы нашелся человек, еще более полезный колхозу, Иван Федосеевич посчитал бы естественным передать ему руководство хозяйством. Конечно, ему было бы трудно это сделать, потому что он очень любит свою работу, полагая, что другой такой не бывает.

Вот и сейчас, когда я ему рассказываю, как рассуждали здесь женщины о председателях, он говорит не без гордости:

— Ниже нашей должности не бывает. Но и выше не скоро найдешь. Центральная в государстве должность.

Он сидит, опершись локтями на стол, сцепив пальцами большие огрубелые руки, которыми с детства привык делать любую крестьянскую работу. Сосредоточенность, с какой он смотрит в окно, заставляет предположить, что он увидел на улице нечто занимательное, но там, приткнувшись к тротуару, стоят лишь пустые грузовики, шоферы которых, вероятно, любезничают с Раисой Кирилловной. Когда официантка приносит на двух селедочницах жареную свинину, Иван Федосеевич по своему обыкновению решает за нас двоих:

— Вина не будем брать! Я к нему смолоду не привык, а теперь и вовсе уж незачем. Давайте лучше какао возьмем. По две порции.

При всей своей редкостной неприхотливости Иван Федосеевич любит сладкое. Я подозреваю, что и в заднюю комнату он забрался отчасти из-за того, чтобы знакомые председатели, которыми в базарный день полна чайная, не потешались над тем, как «миллионщик» и «воротила» Варфоломеев пьет какао. Принимаясь за еду, Иван Федосеевич негромко спрашивает меня:

— Где побывали? Может, поучительное что-нибудь видели?

Мне и самому хотелось рассказать Ивану Федосеевичу о том, что я наблюдал недавно во время своей поездки по одной из центральных областей страны. Мне любопытно было узнать не только его суждение о тех фактах, с которыми я встретился. Я ожидал услышать от него, как поступил бы он, если бы ему пришлось оказаться в обстоятельствах, похожих на те, в каких находился председатель колхоза, где мне случилось остановиться проездом.

И я рассказал следующее.

3

В начале зимы часу в четвертом пополудни подъезжал я к большому селу, где предполагал заночевать, так как темнеет в эту пору сравнительно рано, а от этого села до следую-

щего оставалось еще километров сорок непроезжей лесной дороги. В районном центре, откуда я выехал утром, на мой вопрос о здешнем колхозе ответили, что ничего, крепкий колхоз: электростанцию недавно построили, провели радиофикацию, а председатель там — бывший сотрудник райисполкома. Все это сообщили мне в редакции районной газеты, показали даже заметку, в которой говорилось об открытии электростанции, и, однако же, когда впереди в еще не померкшем свете мглистого зимнего дня вспыхнули вдруг неяркие, колеблющиеся электрические огни, я удивился им: так неожиданны были они в этом болотном и лесистом крае.

Минут двадцать спустя, обогнув высокое, с колоннами здание школы, я ехал меж двух порядков почти новых, срубленных на диво изб, за освещенными окнами которых теснились на подоконниках обернутые в бумагу горшки с цветами. Улица была безлюдной и тихой, как всегда в деревне в эти предвечерние зимние часы, когда хозяева, пока еще не совсем стемнело, задают корм скотине, вносят из сарая дрова, чтобы к утру они подсохли в печи. И в этой тишине, как бы перекликаясь, с особенной отчетливостью звучал голос диктора, доносившийся из разных концов села.

В правлении колхоза уже никого не было, и я отправился к председателю на квартиру. Встретила меня немолодая женщина. Она сказала с некоторой принужденностью, что председателя нет дома и где он сейчас, она не знает: может, в конторе или еще куда ушел, кто его ведает! Но в конторе я уже был, искать человека зимним вечером в незнакомом селе — дело трудное, и я попросил, если можно, пускай она сама сходит за председателем или же пошлет кого-нибудь.

Тут как раз в избу вошел здоровый, плечистый парень, должно быть, сын хозяйки, и охотно вызвался поискать председателя. Я заметил, что женщина при этом несколько растерялась, и, грешным делом, подумал, уж не загулял ли где-нибудь председатель по случаю субботнего вечера. Это подозрение еще больше укрепилось во мне, когда парень вернулся и смущенно объяснил, что, сколько ни искал, куда ни заходил, нигде, мол, его нет.

Никаких, в сущности, дел в колхозе у меня не было, задерживаться здесь я не предполагал, и так как о ночлеге успел договориться с самой хозяйкой, то и не стал настаивать на продолжении поисков.

Однако спустя какой-нибудь час, не больше, председатель неожиданно явился сам. Это был молодой, очень скромный с виду человек, молчаливый, как мне показалось, чем-то озабоченный. Разговор у нас сперва не получался — я все время чувствовал в председателе непонятную мне настороженность. У меня было такое ощущение, будто о моем приезде он узнал сразу и медлил появиться только лишь потому, что ожидал встретить кого-нибудь вроде уполномоченного. Во всяком случае, стоило ему услышать, что человек я проезжий и к начальству не принадлежу, как он стал держать себя много свободнее. Он извинился, что не может меня устроить с должными удобствами, потому что хотя и работает здесь вот уже скоро год, но семьи у него нет, живет он в чужом доме постояльцем.

Мы разговорились, и я спросил председателя, много ли выдал он в нынешнем году на трудодень. Председатель почему-то смешался, некоторое время угрюмо молчал, наконец как бы через силу ответил, что на трудодень нынче ничего не пришлось выдать. Разумеется, я этого не ожидал и поинтересовался, в чем тут причина. И тогда он, словно оправдываясь, стал говорить, что и в прошлом году почти ничего не выдали.

Он как бы сказал этим, что и до него было не лучше, однако же не объяснил, почему. И я продолжал спрашивать об урожае, о продуктивности скота, на что он все так же неохотно отвечал, что ржи они и трех центнеров не собирают с гектара, картофеля — тридцать, а молока коровы дают в год литров по шестьсот, не больше. Каждый раз, когда он называл какую-нибудь цифру, я переспрашивал его, полагая, что он оговорился. Но все было именно так, как он говорил, и мне приходилось снова задавать вопросы.

Таким образом я узнал, что всему причина — земля, точнее, навоз, которого недостает, чтобы как следует удобрить здешние песчаные почвы. А недостает его только лишь потому, что скотины мало. А мало ее из-за того, что с кормами плохо. А кормов не хватает все по той же причине: без навоза на легких песках ни корнеплодов, ни зерна, ни трав не вырастишь.

Мы снова пришли к тому, с чего начали, и поскольку одно перечисление уже известных мне обстоятельств едва ли могло еще что-либо прибавить, я спросил председателя, как же в таком случае живут колхозники. Он ответил, что неплохо живут. Почти в каждой семье один либо два человека работают в соседнем леспромхозе, а заработки там подходящие: вот и сын здешней хозяйки, к примеру, всего только год, как пришел из армии, однако успел купить и мотоцикл и аккордеон. Да и почему бы не купить, если, кроме крупы и хлеба, все непокупное. В селе не найдешь такого двора, где бы не было коровы, а это ведь не только молоко, но и навоз. И хотя на усадьбах у колхозников тот же песок, картошки собирают они много: и сами едят и свиней откармливают...

В заключение председатель сказал с печальной улыбкой, что село у них «самоедское», и тут же пояснил: сами, мол, едим, а обществу никакого продукта не даем, только землю попусту занимаем.

Оставался еще один вопрос, который я и не преминул задать: откуда же взял колхоз деньги на постройку электростанции и радиоузла?

Оказалось, государство выдало ссуду.

Председатель признался, что сейчас как раз подошел срок очередного платежа, а касса пустая. Он и ночей теперь не спит — все думает, как бы вывернуться. Ему бы только отсрочку дали, а там он что-нибудь продаст и заплатит, после чего можно еще просить ссуду. Надо ведь с весны животноводческие помещения строить, потому что так дальше жить нельзя: того и гляди за зиму весь скот поморозишь. Осенью, правда, позатыкали кое-какие дыры, но и заплаты-то ставить уже не на что — шутка сказать, с самой коллективизации ничего не строили! Да вот, не дают отсрочки!..

Я уже и не рад был, что затеял этот разговор. Ничего дельного посоветовать я не мог, напрасно лишь растревожил человека, да еще в канун воскресного дня, когда он, вероятно, собирался отдохнуть. Мне стало понятно, что та принужденность, с какой встретила меня хозяйка, вызвана была ее желанием хоть ненадолго оберечь председателя от неприятных ему расспросов, что и парень-то, конечно, сразу нашел его, и это сам председатель велел сказать, будто его никак не разыщут. И не столько потому, что я и впрямь надеялся получить ответ, сколько из вежливости, я спросил председателя, что же он думает делать.

Вероятно, он все же решил, что я если и не уполномоченный, то какой-либо другой «представитель», и сказал, как привык в подобных случаях говорить докучливому начальству, что он будет бороться за повышение урожайности всех культур и за высокую продуктивность животноводства.

После этого разговаривать как-то стало не о чем, и мы улеглись спать, а утром, едва рассвело, к удовольствию хозяев, приглашавших, правда, дождаться завтрака, я попрощался с ними и уехал из села.

Я миновал околицу, и долго еще из памяти моей не шел угрюмый председатель, как он стоял, насупившись, у стола, когда мы прощались, а в зеркале, в металлических украшениях аккордеона, занявшего весь подзеркальник, в никелированных шариках кроватей сияли слепящие отражения большой, ничем не прикрытой электрической лампы.

4

— А я думал, вы что-нибудь интересное расскажете, опыт какой-нибудь, — выслушав меня, говорит Иван Федосеевич.

Все же мне хочется знать, как поступил бы Варфоломеев, доведись ему работать в таком колхозе, как тот, о котором я рассказал.

— Никакой тут хитрости нет, — отвечает Иван Федосеевич. — Ошибся, конечно, ваш председатель, а ему не подсказали. Видать, молодой, не знает, что иной раз и хочется мяса, а зарежешь свинью — и всю продашь, только уши оставишь. В хозяйстве иначе нельзя... Ему бы ссуду на свинарник истратить. С этого и пошел бы жить. А он — электростанцию!.. Кто ж это покупает подойник вперед коровы?

И он принимается рассуждать о том, что половина успеха в каждом деле зависит от того, с чего начать. Он говорит, что это плохо сложили, будто конец — делу венец. Начатие — всему корень. А конец надо в голове держать и все примерять да прикидывать, угадаешь ли к тому концу.

В связи с этим мне вспоминается, как минувшей весной ехали мы с одним журналистом в Вексу и встретили у выезда из села Ивана Федосеевича, который стоял, придерживая велосипед, — он куда-то собирался ехать, но увидел нас и решил подождать. Журналист сказал Ивану Федосеевичу, что такому, мол, колхозу, у которого пять грузовых машин, пора, давно пора иметь «Победу». Он повел разговор о культуре, о том, что и здание правления в Вексе выглядит неказисто и что надо, дескать, по этой линии подтянуться. Иван Федосеевич промолчал, и я бы забыл об этом случае, но неделю спустя, когда мы шли с ним из Стрельцов — одной из деревень вексинского колхоза, — мое внимание привлекли потемневшие от времени бревна, лежавшие среди поля у дороги. Я спросил о них Ивана Федосеевича, и он сказал, что тут у него запланирована центральная усадьба: правление, амбары и склады, навесы для машин. Дело в том, что сейчас все это в разных местах, главным образом в Вексе, потому что там шоссе рядом, — в распутицу из всего колхоза одна только Векса и связана с миром. А село ведь строилось без расчета на колхозное хозяйство, и когда, к примеру, весной приходят тракторы, они стоят прямо на улице, чтоб из окна правления было видать, не балуют ли ребятишки. Да и ставить-то их больше некуда.

— А здесь у нас все вместе будет, — как бы мечтая вслух, говорил Иван Федосеевич.— И опять же не станет этой вредной привычки считать, что колхоз — вексинский. Имени Ленина он, а в Стрельцах, в Любогостицах, в Николо-Перевозе да в Усолах, как и до укрупнения, кое-кто говорит: у них, мол, в Вексе... Коллективное сознание мы этим строительством воспитаем.

Он шагал несколько впереди меня по раскисшей грунтовой дороге, и как только вытаскивал ногу из грязи, отпечаток сапога тотчас же наливался водой. Вода стояла в канавах вровень с землей. Шумел дробный весенний дождик, грязь хлюпала под ногами. Иван Федосеевич остановился, смерил взглядом расстояние от бревен и до темневшей далеко впереди Вексы, показал на дорогу и, словно отвечая кому-то, проговорил:

— С дороги надо начинать. А там и «Победу» купим.

С такой же точно убежденностью он говорит теперь о свинарнике, с которого, по его мнению, должен был начинать хозяйство неиз-

вестный ему председатель колхоза. Легко заметить, что Иван Федосеевич уже увлекся этим, что ему интересно представить себе, как взялся бы он хозяйствовать в отстающем колхозе, на неродящих песках и гиблых болотах.

Рассуждать о хозяйстве для Ивана Федосеевича — истинное наслаждение, самое слово это, «хозяйство», которое он выговаривает, чуть нажимая на первое «о», воспринимается им, я думаю, как иным человеком поэзия.

Надо было слышать, например, как в поле, где на месте распаханного заболоченного кустарника росли подсолнечник и горох, посеянные на силос, Иван Федосеевич рассказывал, что нынче он придумал сеять с подсолнечником не простой горох, созревающий к осени, а так называемый консервный, который он успеет собрать до того, как начнут косить зеленую массу; надо было видеть, как он сорвал стручок и, перекатывая на ладони мясистые ядрышки, стал подсчитывать, сколько дополнительного общественного продукта даст эта его счастливая выдумка; надо было наблюдать председателя в эту минуту, чтобы понять, что хозяйство и поэзия и впрямь для него равнозначны.

Иван Федосеевич берет нож и кончиком его принимается водить по пустой селедочнице слева направо короткими, решительными движениями, будто отбрасывает костяшки на счетах. За перегородкой шумит чайная; слышно, как чей-то голос, ища сочувствия, слезливо жалуется на Раису Кирилловну, а другой рассудительно поучает: «Терпи!.. Насколько ты глупее, настолько она умнее». И еще один голос — певучий, женский, принадлежащий, должно быть, базарной спекулянтке, — рассказывает об открывшейся недавно комиссионной торговле колхозными продуктами и горько сетует: «Ну, скажи, от груди меня отняли». Весь этот шум ничуть не мешает Ивану Федосеевичу излагать свои мысли.

— В ихних неродящих местах,— говорит он неторопливо, — торф есть. А с торфом и на песке картошка хорошо пойдет. Вот вам и кормовая база для свиноводства. Я бы и вовсе не стал там сеять зерно. Польза от ихней ржи, по вашим словам судить, как у нас от овечек, — только что на бумаге значатся. Взял бы кто да подсчитал, во что ихняя рожь обходится при урожае в три центнера или шерсть с нашей овцефермы, если у меня, что ни год, половина овец дохнет. Не живут они в наших условиях, а зоотехник говорит: по плану положено... Как же это с объективными законами согласовать?

Здесь надо пояснить, что почти весь Райгородский район лежит в обширной котловине вокруг древнего озера Пучибожь. Дно озера покрыто илом, озеро мелеет, зарастает тростником и не способно принять в себя всю ту воду, какую несут в него бесчисленные речки и ручейки. Здешние земли, можно сказать,

покоятся на воде, здесь много болот и заболоченных вересковых пустошей, а весною и осенью даже в полях стоит вода. От этой постоянной сырости овцы болеют, и, чтобы иметь определенное планом поголовье, колхозам приходится ежегодно покупать овец на стороне.

— Суворова читали когда-нибудь? — неожиданно спрашивает меня Иван Федосеевич. — У нас вот в войну командиром части один майор был, некий Степанов, так он всегда Суворова нам приводил: «Каждый солдат должен знать свой маневр». Что бы и председателю колхоза так говорили: применяйся, дескать, к местности и к обстоятельствам — знай свой маневр! Для чего бы я стал держать тогда овец, если у меня все условия для молочного хозяйства! Или зачем нам пятьдесят гектаров цикория сеять, когда мы их обработать не в силах, а машины еще для этого не придумали? Лучше уж мы посеем двенадцать, даже десять гектаров, да будут они у нас ухожены как следует, тогда мы с них столько же соберем, как с пятидесяти. А остальную землю можно еще чем-нибудь занять. Теперь-то она считается под цикорием, на самом же деле цикория-то за сорняками не видать. Сказали бы мне, — мечтательно вздыхает Иван Федосеевич, — сдай такой-то продукции в таком вот количестве, а где там посеять да сколько — это уж мой маневр.

Однако, продолжает он развивать свою мысль, чтобы председателю колхоза «знать свой маневр», необходимо ему изучить две науки: сельскохозяйственную и экономическую. Но если с первой наукой сейчас вроде бы благополучно — прошли уже те времена, когда он, Варфоломеев, и семена попусту гноил и не знал, отчего у них клевер не растет, — то про вторую что-то не слыхать: либо ее вовсе нет, либо она отстающая.

— И про обработку почвы нам известно,— говорит Иван Федосеевич,— и про удобрения, и про то, как составить правильный рацион. А вот как учесть да подсчитать, чтобы выгода была, этому нас не учат.

Не первый раз слышу я, как Иван Федосеевич рассуждает о выгоде, и невольно задаю себе несколько наивный вопрос: кем бы он был, крестьянин из Вексы, коммунист с двадцатых годов, доведись ему жить в старое время? Такой вот по-мужицки костистый и крепкий, чуть сутулый, с загорелой морщинистой шеей в просторном вороте косоворотки, с мечтательным и спокойным взглядом больших серых глаз, он почему-то представляется мне деревенским книгочеем, мирским, живущим «по справедливости» человеком, или же, уйди он в город, — рабочим, нашедшим «правду-истину» в подпольном марксистском кружке.

Ведь и ухватливым-то он стал, и оборотливым, и копейку научился считать потому только, что хозяйство-то у него не свое, а мирское, коллективное, и отвечает он за него перед колхозниками и государством.

— Вот вам задача, — продолжает рассуждать Иван Федосеевич. — У нас в колхозе доход — полтора миллиона, и у соседа нашего — полтора. Мы выдали, не считая продукции, по четыре рубля на трудодень, а сосед-от — рубль с двугривенным. Спрашивается: почему?

Он смотрит на меня с хитринкой, затем, не дождавшись ответа и весьма довольный этим, рассказывает, что у соседа плотники наемные, тогда как он, Варфоломеев, своими обходится, что сосед за одну лишь пастьбу скота платит сто тысяч в год, тогда как у него, Варфоломеева, пастухи ненанятые, за трудодни работают.

— Но здесь еще не вся отгадка, — посмеивается Иван Федосеевич. — Придумали мы госконтроль у себя завести. Специальную девушку посадили в конторе. Сосед-от на учете экономит: накладной, говорит, расход. А нам не жалко: пишем ей за ее работу трудодни. А работа вот в чем: положено, скажем, по производственному плану на такое-то и такое дело столько-то трудодней, она и контролирует, чтобы перерасходу не было. Очень полезная девушка, хотя и ругают ее иной раз бригадиры: бюрократ! Вы поинтересуйтесь, сколько у соседа в год трудодней выходит да сколько у нас. У него в колхозе, так сказать, инфляция, а мы лишнего трудодня не выпустим в оборот.

Забота об общественной выгоде, свойственная Ивану Федосеевичу, вступает в противоречие с тем пониманием выгоды, какое имеется еще у иных колхозников, и это доставляет председателю немало неприятностей. Живет, скажем, в Любогостицах ленивый и вздорный мужичонка Афанасий Гунькин. Еще не было случая, чтобы Гунькин больше полугода проработал на какой-либо одной должности: был он и кладовщиком, и молоко возил на сливной пункт, и в пастухах ходил — все ищет, где прибыльнее. Родня у него большая, так что на общих собраниях, когда решают, например, отчислить двадцать процентов дохода в неделимый фонд или на какое-нибудь другое дело, от которого ему, Гунькину, не воспоследует немедленной выгоды, все афанасьевы родичи голосуют против.

А сколько заявлений и жалоб на Ивана Федосеевича написал Афанасий Гунькин! И в райисполком, и в милицию, и прокурору...

Минувшей осенью, когда Гунькин кончил пасти скотину, он потребовал, чтобы ему оставили в личное пользование резиновые сапоги и плащ, выданные колхозом. При этом он ссылался на соответствующий пункт постановления по вопросам развития животноводства. Иван Федосеевич отказал Афанасию, и тот немедленно настрочил жалобу прокурору. Пришлось Ивану Федосеевичу ехать в Райгород, объяснять, что в этом решении сказано «рекомендовать колхозам», а раз так, то имеет он право действовать по своему усмотрению: хорошим пастухам оставить плащи с сапогами, а Гунькину, у которого теленок в болоте утоп, ничего не давать.

Вот и сегодня, рассказывает мне Иван Федосеевич, вызвали его по жалобе Гунькина в прокуратуру. После снижения налога с приусадебных участков, когда стало выгодно разводить сады и сажать дорогие сорта овощей, Афанасий надумал разделиться со своей одинокой семидесятилетней матерью, чтобы получить еще одну усадьбу. Правление колхоза, разгадав его хитрость, отказалось признать этот раздел, и тогда Гунькин завопил, что Варфоломеев нарушает социалистическую законность. Он ведь не какой-нибудь жулик, усмехается Иван Федосеевич, украсть не украдет, а на законном основании ищет свою выгоду, норовит содрать кусок пожирнее...

Удивительно, что это слово «выгода» звучит совсем по-иному, когда Иван Федосеевич произносит его применительно к Гунькину! Оно как бы принадлежит к числу тех слов, которыми определяются низменные, темные понятия. А вот в применении к колхозным делам это же самое слово в устах Ивана Федосеевича теряет свой изначальный торгашеский смысл, становится в ряд с благороднейшими словами...

— Пошли! — прерывает мои размышления Иван Федосеевич.

Расплатившись, мы выходим с ним из задней комнаты, пробираемся к выходу, отделенные друг от друга длинным рядом столиков, за которыми сидят люди, и Иван Федосеевич через их головы громко спрашивает меня, читал ли я такой роман... про семью Журбиных.

— Там дед один есть, — рассказывает он. — Так этого деда ни уволить на пенсию, ничего с ним не сделать — хозяин на заводе. Вот и мечтается мне: как бы это научиться таких людей воспитывать...

Он открывает дверь, и сквозь облако мгновенно остывшего воздуха, хлынувшего вслед за нами, мы выходим на улицу.

НА ОРОШАЕМЫХ ЗЕМЛЯХ ДОНА

Года три — четыре назад жители донских станиц вряд ли поверили бы, что у них можно выращивать рис. А ныне рисовые плантации в донских степях — далеко не редкость. Во многих станицах едят рис колхозного производства. Его можно купить и в магазине и на колхозном рынке.

...Есть в Веселовском районе, Ростовской области, сельскохозяйственная артель имени Г. М. Маленкова. Год назад под рисом здесь было 83 гектара. С каждого из них собрали в среднем 55 центнеров. Это дало полуторамиллионный доход. В нынешнем году посевы увеличились до 120 гектаров.

За разведение риса взялись и другие колхозы области. В ближайшие годы посевы риса на Дону будут доведены до 15 тысяч гектаров.

Строительство Волго-Донского канала и разветвленной сети оросительной системы в корне изменило облик многих районов на Дону. На орошаемых землях, помимо риса, разводят и другие новые культуры. В Багаевском районе посеяли сахарную свеклу. И что же? Первый урожай — 600 центнеров с гектара!

В колхозе имени Молотова, Аксайского района, хорошо уродились кукуруза, подсолнух, люцерна. В Романовском и Семикаракорском районах создаются плодоовощные совхозы и сооружаются два крупных консервных завода, которые будут давать 100 миллионов банок в год.

Было время, когда люди старались уйти с этих засушливых земель, а за последние два года сюда приехало более пяти тысяч семей. Для переселенцев построено три тысячи новых домов.

Г. ГОРИН

Эта насосная станция обслуживает несколько районов Ростовской области. 20 кубометров воды в секунду подает она в оросительную сеть.

Фото А. Овчинникова.

Новый аэровокзал в Свердловске

— Прибывает самолет международной авиалинии Пекин — Москва,— донеслось из репродукторов.

Спустя несколько минут на бетонные дорожки опустился серебристый самолет и подрулил к красивому зданию вокзала. Пассажиры проходят в просторные залы.

Через Свердловск пролегли воздушные магистрали на Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Пекин, Пхеньян, Улан-Батор. Десятками авиалиний связан Урал с крупнейшими центрами страны.

Недавно в Свердловске вступил в строй новый аэровокзал. На двух его этажах — уютно обставленные залы ожидания. Здесь есть специальные детские комнаты, справочные бюро, почта, телеграф, ресторан, буфеты, парикмахерская.

За время остановки пассажир может переговорить по телефону с любым городом, получить деньги по аккредитиву, навести необходимые справки. В комнате бытового обслуживания ему могут почистить и выгладить костюм.

Рядом с аэровокзалом построено здание гостиницы. К услугам транзитных пассажиров несколько десятков комфортабельных номеров.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото А. Тюфякова.

ВЕСТНИК ПОГОДЫ В ПУСТЫНЕ

По барханам вьется след автомобильных шин, а рядом движутся отары. Тысячи овец переходят с летних пастбищ на зимние — в пустыни и полупустыни Казахстана.

Впереди автомашина. На крытом кузове надпись: «Передвижная радиометеорологическая станция».

Передвижные станции дают прогнозы погоды на пути следования отар, оповещают животноводов о состоянии пастбищ. Станция № 1 работает уже третий год. За это время она прошла около 8 тысяч километров по пескам Муюн-Кумов и Бетпак-Далы. Радист и метеоролог стали неизменными спутниками животноводов.

В. ЛАВРОВА

Надвигается буран. Начальник передвижной радиометеорологической станции В. Г. Дряхлов сообщает об этом в отары.

Фото А. Бахвалова.

Трускавецкие искусники

Не только «Нафтусей», «Софией», «Марией» и другими лечебными водами славится западноукраинский городок Трускавец. Он еще известен своими замечательными мастерами — резчиками по дереву. Здесь в магазине подарков можно приобрести изящные шкатулки, тонкой художественной работы подносы, тарелочки для фруктов, хлебницы, фигуры различных зверей и птиц. Для самых маленьких покупателей имеются искусно сделанные домики с традиционным аистом на крыше, с колодезным журавлем, на котором висит у сруба ведерочко, с собачьей конурой и лестницей, приставленной к крыше... В мастерской художественной резьбы, которая находится неподалеку от магазина, эти домики вырезывает из дерева Дмитрий Иванович Рудавский.

Но особое предпочтение и покупатели и сами мастера отдают обитателям тех мест — орлам. На нашем снимке вы видите Ивана Юрьевича Красовского, рассматривающего еще не оконченную им работу — орла.

По давно сложившейся здесь традиции, искусство резания передается от отца к сыну, из поколения в поколение. В небольшой мастерской, пахнущей свежей древесной стружкой, работают резчики старшего и младшего поколений: Иван и Петр Потоцкие, Андрей и Дмитрий Рудавские, комсомолец Иван Петровский, окончивший техникум резьбы по дереву.

Около мастерской лежит гора свежевыстроганной липы. Пройдет некоторое время, и умелые руки превратят эти поленницы в юрких лисиц, в стройных оленей, в хищно распластавших крылья орлов...

П. КОРЖ

ДИССЕРТАЦИЯ О ПАРТИЗАНАХ

Слева направо: И. А. Стрелков, С. В. Гришин, М. И. Боровикова и В. И. Воронченко.

...Осень 1942 года. Пленум Смоленского обкома партии решил переправить группу коммунистов через линию фронта к партизанам. Политработником в отряд «13» послали Марию Ивановну Боровикову.

С тех пор прошло двенадцать лет. И вот недавно в институте повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ Мария Ивановна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Коммунисты Смоленщины — организаторы и руководители партизанской борьбы в Смоленской области в период Великой Отечественной войны».

...Февраль 1942 года. Станция Дорогобуж. Неравный бой с фашистами вела небольшая группа советских людей под руководством учителя С. В. Гришина. В живых осталось только тринадцать человек, но они не пропустили врага в город Дорогобуж, освобожденный партизанами отрядов «Дедушки» — В. И. Воронченко.

После этого боя отряду было присвоено имя «13». Путь его пролегал по болотам. Вскоре произошла встреча с группой будущего комиссара соединения И. А. Стрелкова. Везде, где проходили партизаны, к ним присоединялся народ. Так рос отряд, превратившийся в полк, затем в легендарное соединение «13». Командовал им Герой Советского Союза С. В. Гришин.

На защиту диссертации пришли боевые друзья Марии Ивановны; среди них В. И. Воронченко, командир соединения «13» полковник С. В. Гришин. Из госпиталя, где он сейчас лечится, приехал комиссар И. А. Стрелков, из Смоленска — радистка отряда Роза Микерова. Вместе с ней Боровикова в сорок втором году переходила линию фронта.

Давно уже закончено заседание, а друзья все еще вспоминают минувшие дни...

Р. ЛИХАЧ

Э. Мамедов. Портрет чабана Гадыра Багирова.

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЖИВОПИСЦЕВ

Народный художник СССР
Б. ИОГАНСОН

Интересная выставка работ мастеров живописи, скульптуры и графики Азербайджана, Армении и Грузии была показана в сентябре месяце в залах Академии художеств СССР. Ярко и разнообразно отразили художники жизнь и природу республик Закавказья. Если говорить об общем впечатлении, то в памяти остается большое мажорное искусство. Здесь нет приглаженности, прилизанности, скуки.

Меня особенно заинтересовала живопись, так как сам я работаю в этой области.

В экспозиции были представлены жанровые картины, портреты, пейзажи, натюрморты. Из жанровых полотен назову прежде всего «На учебу» А. Папяна — студенты в купе вагона. Эта тема удачно разрешена молодым художником. Хорошо передана взволнованность молодежи в минуты, когда поезд приближается к заветной цели путешествия.

Глубоко затрагивает чувства зрителя картина М. Седракяна «Рассказ об отце», в которой живописец раскрывает простой и благородный образ матери-вдовы.

Об окрепшей в труде дружбе двух девушек — русской и азербайджанки — тепло рассказывает художник М. Абдуллаев в картине «Подруги».

Вот в основном то интересное в жанре, о чем хотелось упомянуть. Остальные картины этого рода, находясь на достаточно высоком уровне профессионального мастерства, являются перепевом уже виденного.

С завидным мастерством, свежо, колористически цельно и с большим портретным сходством написал Д. Хахуташвили полотно «Старейшие художники Грузии». Профессора Грузинской академии художеств рассматривают новую картину. Это единое действие помогло автору организовать композицию группового портрета, сделать ее естественной и простой.

Темпераментно и экспрессивно, с ярким раскрытием характера написан А. Зурабовым «Портрет колхозника».

Художник, работающий над портретом, знает, как трудно уловить тончайшие серебристо-голубоватые оттенки кожи на лице, которые придают портрету живописную правдивость и красоту. И именно это удалось Е. Савояну в портрете студентки Гаспарян, выполненном в тончайшей гамме.

Широко раскинувшаяся долина, окаймляющие ее горы, прикрытые встревоженными облаками,— весь этот пейзаж суровой и могучей природы помогает Э. Мамедову раскрыть благородный и смелый облик горца-чабана Гадыра Багирова.

Г. Ханджян. Из иллюстраций к рассказу О. Туманяна «Гикор».

Б. Санакоев. Коста Хетагуров (Будущее).

Наиболее жизнерадостное и запоминающееся на выставке — это пейзажи. И здесь, пожалуй, пальму первенства надо отдать армянским мастерам живописи во главе с народным художником Армянской ССР Мартиросом Сергеевичем Сарьяном, превосходнейшим колористом. В его пейзажах, кажется, можно ощутить движение воздуха, пропитанного солнцем.

Необыкновенная природа Армении, Грузии, Азербайджана роднит художников-пейзажистов, и кажется, что такую природу нельзя писать плохо. Она будит в художнике сильные и яркие чувства, пробуждает драгоценные качества живописца — колористическую насыщенность, богатство палитры, декоративность.

В короткой заметке невозможно упомянуть обо всем том хорошем, чем богата выставка. Можно отметить еще превосходных пейзажистов — Х. Есаяна, О. Зардаряна, Г. Гюрджяна, Б. Мирзазаде, А. Керимова. Выставка убедительно свидетельствует, что художники Закавказья находятся на верном пути социалистического реализма, что их живописное мастерство значительно выросло.

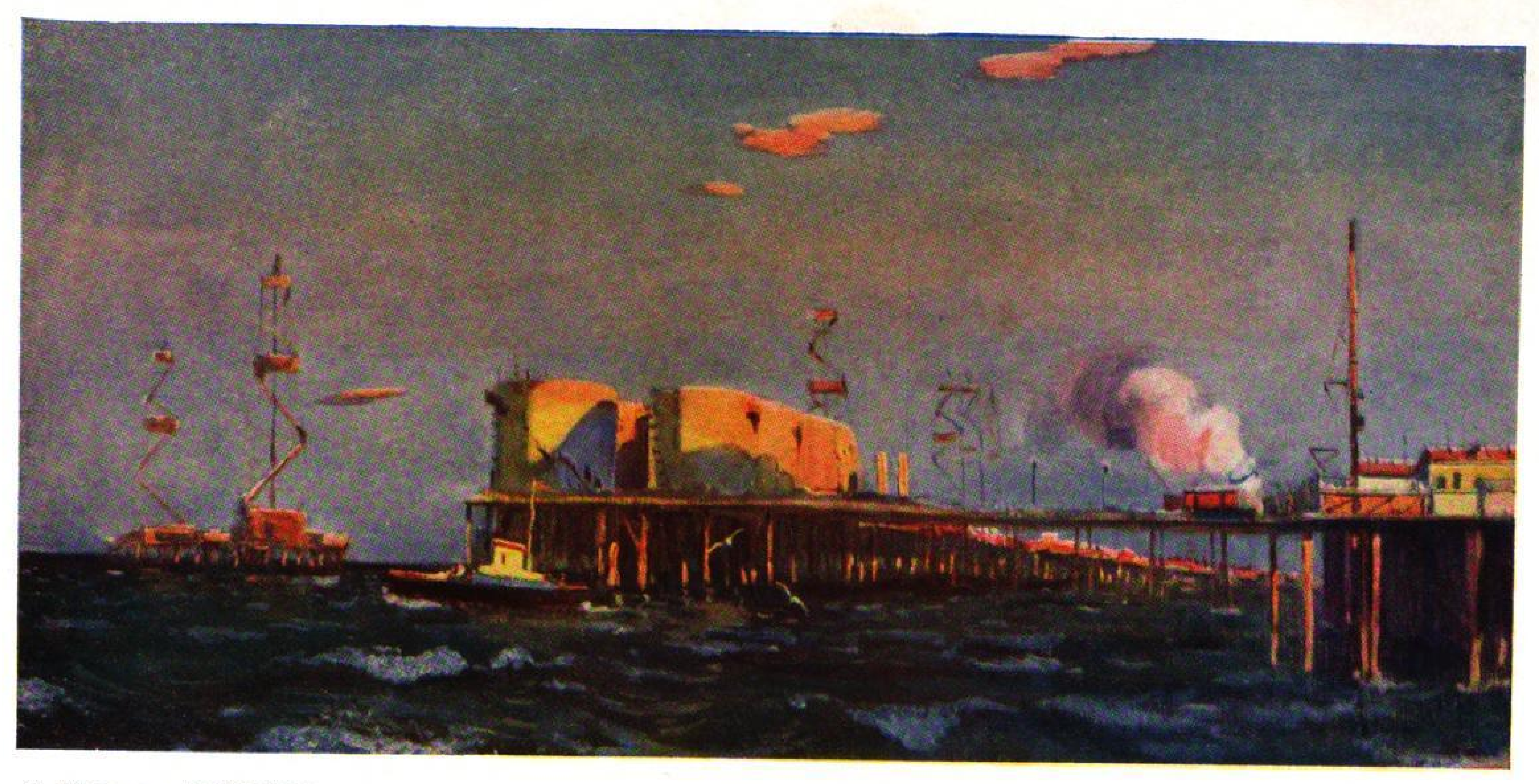
ВЫСТАВКА РАБОТ ХУДОЖНИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ И ГРУЗИИ

А. Зурабов. ПОРТРЕТ КОЛХОЗНИКА.

А. Кутателадзе. РАДОСТНЫЙ УРОЖАЙ.

М. Абдуллаев. ПОДРУГИ.

Б. Мирза-заде. РЕЗЕРВУАРЫ.

А. Папян. НА УЧЕБУ.

М. Сарьян. ПОЛДЕНЬ.

В Киеве состоялся третий съезд писателей Советской Украины. В работе съезда, проходившего в подлинно творческой атмосфере, приняли участие члены Президиума и секретари ЦК КПУ, представители писательских организаций братских республик, делегация правления ССП СССР. Съезд избрал новое правление ССПУ и делегатов на Второй всесоюзный съезд советских писателей. На первом пленуме нового правления ССПУ председателем правления был избран М. Бажан.

На снимке: писатели Н. Рыбак, М. Рыльский, М. Бажан, М. Шолохов, О. Гончар, В. Собко, К. Симонов, А. Корнейчук и А. Малышко в дни съезда.

Фото Н. Козловского.

Стихи разных лет

Степан ЩИПАЧЕВ

ЯБЛОКО

(Вариант)

Не досыта ешь и другого не требуй,
Мне в детстве сиротском твердила нужда.
Бывало, как лакомство, жесткую репу
С другими мальчишками грыз я тогда.

Но помню я день: от него, золотого,
Казалось, жизнь моя стала светла;
В тот день мне бабушка из Камышлова
Душистое яблоко принесла.

И радость, незнаемая, налитая,
Кричала из детских ладоней моих
О солнце, о людях далекого края,
Сегодня строкою ложится в стих.

Забудешь ли бабушкин тот подарок,
Ту первую радость в жизни моей!
Так вспомнишь порой о далеком, о старом —
И станет сегодняшнее ясней.

У СВЕТОФОРА

Машины с ревом стали сразу,
Когда на них взглянул в упор
Неумолимым красным глазом
На перекрестке светофор.

Но скоро снова мостовая
Навстречу кинулась сама;
Плечами небо задевая,
По сторонам пошли дома.

Не разлюбил я шумный город,
Не разлюблю, видать, и впредь,
Раз есть зачем у светофоров
Секунду каждую жалеть.

О ПОЭЗИИ

Партийные решения, и эта
Капель апрельская, и синь небес,
Гул тракторов, и глаз любимых блеск
В стихе взволнованном поэта
Друг с другом не должны идти вразрез.

Лишь в этом, чтобы жизнь не обеднить,
Ищи поэзии живую нить.

Найден древний челн

В Москву из Воронежа пришло сообщение: жители села Щучье, Лискинского района, на обрывистом берегу реки обнаружили древний челн. Интерес к находке был настолько велик, что многие пытались самостоятельно вести раскопки. Но челн ушел далеко в глубину, и откопать его не удалось.

На место находки выехала экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Государственного исторического музея.

Челн оказался большого размера — его длина достигала 7,55 метра. Он выдолблен из толстого цельного дуба. Массивное дно и борта сохранили округлость ствола дерева, а нос и корма заострены. В носовой части в отличие от других древних судов подобного типа сделаны приспособления, напоминающие большие «уши». Они предназначались для привязи тяжелого челна, а может быть, для прикрепления вдоль бортов длинных бревен, чтобы придать ему большую устойчивость на воде.

Челн имеет сиденья, сделанные из поперечных палок, которые вставлялись в углубления внутри боковых стенок. Одна из палок сохранилась целиком в том же положении, как она была вставлена древним мастером.

Руководитель экспедиции доктор исторических наук М. Е. Фосс рассказывает:

— Обработка челна произведена орудием, оставлявшим отчетливые следы в виде коротких желобчатых углублений, подобные тем, которые археологи наблюдали на деревянных изделиях каменного века, отделанных каменным теслом. За тридцать лет моей работы археологом это первый случай обнаружения в СССР целого челна столь древнего происхождения. Бесспорно, мы имеем дело с уникальной находкой.

До сих пор была известна лишь одна такая находка — часть кормы челна, найденная в конце прошлого века при прорытии Ладожского канала. Однако по обломку трудно было представить себе общий вид и размеры.

Челн сделан в конце каменного — начале бронзового века, то есть около 4 тысяч лет тому назад. Геологическое обследование места находки произвел профессор Воронежского университета М. Н. Гриценко.

Каково же было назначение челна?

По размерам он напоминает лодки, изображенные на карельских скалах (конец каменного века). Они вмещали 10—18 человек. С помощью таких челнов поддерживалась связь между древними племенами.

Челн с немалыми трудностями погрузили на баржу, а затем на железнодорожную платформу. Это было в середине сентября.

Сейчас, пропитанный особым составом и завернутый в целлофан, он хранится в Историческом музее. Институт леса Академии наук СССР в ближайшее время приступит к консервации челна. После этого редчайшая находка, заключенная в стеклянный колпак, будет выставлена для всеобщего обозрения.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Одна из улиц Амстердама.

ПО ГОЛЛАНДИИ

Путевые заметки

Н. СЕРГЕЕВ

Первые впечатления

Мы выехали из Гааги рано утром, с трудом пробираясь между велосипедистами, запрудившими все улицы.

Шоссе Гаага — Роттердам — широкая автострада. Две полосы — для одностороннего движения автомобилей, две полосы, поуже,— для велосипедов. По сторонам мелькают пастбища; пасущиеся коровы покрыты теплыми попонами. Позади остаются сады и окраинные огородики. Путь недолог: до Роттердама всего 23 километра.

В путеводителях по Голландии не любят упоминать о тех, кто нанес стране страшные раны. В проспекте компании «Спидо», который мы читали на немецком языке, об этом сказано почти эзоповским языком: «Город заплатил дань войне». А далее следуют пространные рассуждения о том, что война дала возможность «перестроить город», сделать его «более современным» и т. п.

В том же путеводителе есть специальная карта, указывающая, как проехать в Роттердам из Западной Германии. Для тех, кто хотел бы приехать в Голландию с другого направления, подобной карты нет.

Нам рассказали один эпизод. В мае этого года в Гаагу приехали семьдесят путешествующих западногерманских «полицейских». Они хотели остановиться в отеле «Астория». Каково же было их негодование, когда на вопрос о местах портье невозмутимо ответил: «Помилуйте, для вас есть так много мест в тюрьмах!..»

За последние годы в Роттердаме построены новые здания крупных фирм, банков, универсальных магазинов. Показали нам и многоквартирный дом, выстроенный по плану реконструкции. Квартира в этом доме обходится довольно дорого. Поэтому многие семьи ютятся в крохотных комнатушках, а всю хозяйственную утварь: посуду, лоханки, тазы — все, что не портится от дождя,— выносят на балконы или вывешивают за окна.

Роттердам, в котором в 1870 году было всего 116 тысяч жителей, насчитывает сейчас 710 тысяч человек. Он второй по численности населения город Голландии, но первый по значению и размерам порт страны. До двухсот различных компаний имеют в порту постоянные причалы. Возвращаясь в центр, мы проехали под гаванью по широкому туннелю. Он тянется почти на километр.

Из Роттердама на поезде едем в Арнем, столицу самой большой из одиннадцати провинций Голландии — Гельдерланд. Путешествие это тоже не требует много времени. В Голландии нет спальных вагонов, они не нужны: за несколько часов можно пересечь всю страну.

С утра осматриваем город, лежащий у самой границы Западной Германии. Мутные воды Недер-Рейна делят Арнем пополам. Обе части города соединены широким мостом. Мост новый, старый был разрушен во время войны. Разрушены были и целые кварталы Арнема, прилегающие к набережной. Погибли ценные памятники древней архитектуры, такие, например, как здание ратуши, воздвигнутое в 1546 году. Сильно повреждены были здания городского музея, школ, разрушены рабочие поселки.

В городе установлен памятник английским десантникам, погибшим здесь во время наступления армии Монтгомери в сентябре 1944 года. Есть и другой памятник — героическим женщинам Арнема.

Вообще в Голландии напоминания о прошлой войне встречаешь буквально на каждом шагу. Это не только развалины Арнема, Роттердама и других городов. Это и скромный придорожный крест около деревни Де Весте Хоеве, недалеко от Арнема. Он высится над братской могилой ста семнадцати голландских патриотов-заложников, расстрелянных гитлеровцами 8 марта 1945 года в отместку за покушение на начальника войск «СС» в Голландии.

В годы второй мировой войны гитлеровцы основательно разграбили Голландию. Аппетит у их последышей не пропал и до сих пор. В пасхальные дни 1954 года подвыпившие фашистские молодчики пробрались из Западной Германии в пограничные районы Голландии. Фашисты бесчинствовали на улицах мирных деревень, орали реваншистские песни. Однако буржуазная пресса Голландии старается не замечать подобные факты.

Голландия издавна была сортировочной и перегрузочной станцией в Западной Европе. Только в 1938 году в одном Роттердамском порту оборот грузов составил более 46 миллионов тонн. Многие из этих грузов идут вверх по Рейну. Вниз направляется встречный поток. Больше половины всех рейнских судов принадлежит Голландии.

Недалеко от Арнема есть музей Кроллер-Мюллер, где собраны богатые коллекции картин XIX и XX веков. Музей расположен в заповеднике Хох Велюве. Здесь же охотничьи угодья, площадки для гольфа, кафе, гостиницы, рестораны. Сам заповедник — это поросшие вереском и лесом дюны. Высота плато Велюве 110 метров, а самая высокая «гора» Голландии возвышается над уровнем моря всего на 300 метров. Пейзаж совершенно отличен от ровных польдеров (осушенных лугов и пастбищ) южной и западной Голландии, с их многочисленными каналами и ветряными мельницами для откачки воды.

Амстердам

Обычно туристы начинают знакомство с этим городом посещением Государственного музея. Тут собраны редчайшие полотна великих мастеров. Особый интерес вызывают картины Рембрандта. Но вы едва поспеваете за гидом, который несется по залам, перескакивая из одного века в другой. Особенный акцент он делает на тех элементах творчества знаменитых художников, которые послужили якобы отправной точкой развития символизма, импрессионизма и им подобных формалистических течений. Гид словно навязывает старинным мастерам свой «новейший» взгляд на искусство. Наконец, ко всеобщему удовольствию, гонка за гидом окончена, и вы можете спокойно любоваться «Ночным дозором» Рембрандта.

Всякого, кто выражает желание поближе познакомиться с Амстердамом, обычно приглашают также совершить прогулку по каналам. И вот мы в удобных катерах, где рядом с капитаном сидит гид. Заставляя вас поминутно оборачиваться то влево, то вправо, он повторяет на двух—трех языках заученные фразы пояснений.

Амстердам возник в XIII веке. Город вырос из небольшого селения, раскинувшегося по обоим берегам реки Амстель. Отсюда и название города, в переводе означающее «Плотина на Амстеле». Многие дома строились прямо на воде, фундаментом им служили дубовые сваи. Так создавались целые острова-кварталы. На одном из таких островов стоит железнодорожный вокзал, в фундаменте которого 25 тысяч свай. Амстердамцы обижаются, когда их город называют «второй Венецией». На 70 каналах Амстер-

дама до 400 мостов, столько же, сколько и в Венеции на 160.

Вдоль некоторых каналов проложены мостовые и тротуары, но большинство зданий выходит фасадами прямо на каналы, их стены омываются водой. Дома из-за трудностей в сооружении фундаментов, как правило, узкие и высокие, двери у них так же узки. У всех старых и у многих новых домов из-под конька крыши выступает балка с блоком. Это — приспособление для подъема грузов. Мебель, например, подымают прямо с барж к нужному этажу и втаскивают в дом через окно. У многих зданий нижние этажи уже, чем верхние, так что крыши соседних домов почти соприкасаются, а внизу остается узенькая улочка.

Гаага. Афиша о выступлении ансамбля «Березка».

Чтобы вода в каналах не застаивалась, ее меняют трижды в неделю. Для этого каналы перекрывают и перекачивают воду насосами. Большинство каналов не ограждено. Прямо у края набережной играют дети, нависают над водой радиаторы автомашин.

На цветочных полях

Между Гарлемом и Лейденом расположен центр цветоводства. С конца XVI века, когда с Востока были ввезены первые луковицы тюльпанов и гиацинтов, в Голландии стала развиваться эта своеобразная отрасль хозяйства. На разведении тюльпанов составлялись огромные состояния. В 30-х годах XVII века Голландия пережила даже тюльпанную лихорадку — нечто похожее на золотую лихорадку в Калифорнии. Некоторые сорта тюльпанов оценивались в сумму, обозначаемую цифрой со многими нулями. Шла спекуляция на рынке, на бирже.

С тех пор голландские цветы приобрели мировую известность.

Вокруг городов Лиссе, Хиллегом, Койкенхоф раскинулись огромные цветочные поля. До самого горизонта тянутся разноцветные ковры. Поля разрезаны узенькими каналами, по которым движутся лодки, доверху нагруженные цветами. В апреле—мае, в период цветения, в этом районе организуются выставки, сюда приезжает множество туристов, агентов по закупке живых цветов. Цветы развозятся на самолетах в самые дальние уголки мира. Только за половину сезона 1954 года из Голландии было вывезено более ста тысяч тюльпанов и гиацинтов в Рим, Женеву, Буэнос-Айрес, Сингапур.

Цветами украшены многие здания в городах этого района. Гирлянды цветов — на радиаторах машин. Вдоль дорог — огромные рекламы, выложенные из разноцветных тюльпанов, гиацинтов, нежных нарциссов.

Гаага

В 1250 году на месте нынешней Гааги был лишь замок, окруженный рвом. Рва уже нет, осталось только озеро с одной стороны замка. Вокруг него постепенно вырастали новые здания. Сейчас в них палаты парламента, залы для различных заседаний и картинные галереи. В огромном Рыцарском зале происходят торжественные открытия сессий парламента, устраиваются королевские приемы. Зал выглядит точно так же, как и в XIII веке: посередине — пьедестал для трона под огромным балдахином.

Мы посетили знаменитую панораму Месдага, художника, жившего в 1831—1915 годах.

Панорама — вид на Гаагу и ее пригород Схевенинген с дюнного холма на берегу моря. В те годы Схевенинген был скорее рыбачьим поселком, чем курортом. Сейчас отели и пляжи Схевенингена оттеснили рыбаков на самую его окраину.

Во время лова сельди мимо схевенингенской набережной один за другим идут в море рыбачьи боты, украшенные флагами. Толпы народа провожают рыбаков, приветливо машут с берега руками, желают хорошего плавания, богатого улова.

Проходит немного времени, и во всех ресторанах Голландии, в киосках на углах улиц появляются объявления: «Свежая селедка!» Занятно смотреть, как какая-нибудь девушка, остановившись у такого киоска, с удовольствием уплетает целую свежемаринованную селедку, двумя пальчиками придерживая ее за хвост. В Голландии подобные киоски встречаются так же часто, как у нас тележки с газированной водой.

Жители Гааги надолго запомнили выступления нашего хореографического ансамбля «Березка». Билеты продавались заранее, и очереди у касс выстраивались с раннего утра. В фойе театра во время антракта зрители оживленно обменивались впечатлениями, многие в пылу обсуждения даже повторяли некоторые па. Во время представления зал гремел от рукоплесканий, непрерывно раздавалось «браво», большинство номеров исполнялось повторно. Газеты писали: «Танцы страны — это ее возраст, ее сила», «Березка» — это молодость, а не упадок и загнивание», «Мы хотим больше знать о «Березках», чем об атомных и водородных бомбах». Однако были и неблагожелательные статьи. Автор одной из них оценивал слаженность ансамбля, как «механистичность», находил и другие недостатки, но в конце концов вынужден был заявить: «Видимо, публика со мною не во всем согласна, так как она столь бурно выражала свое восхищение, что чуть не рухнуло здание театра».

Симпатии голландцев к нашей стране находят самое различное выражение: и в венках, возложенных на могилы замученных гитлеровцами советских военнопленных, и в том, что по воле народа одна из улиц Амстердама носит имя Сталина.

Мы покидали Голландию с самым искренним чувством дружбы к этой маленькой стране. Желая ей действительного благополучия, мы выражали надежду, что трудолюбивый ее народ добьется того, чтобы жизни его не угрожали больше ни буйные штормы Северного моря, ни мутные волны реваншизма и возрождающегося вермахта.

Одна из достопримечательностей Гааги — миниатюрный город «Мадуродам», искусно устроенный на небольшой площади, на окраине. В уменьшенном виде здесь воспроизведены дома различных эпох, представлены макеты исторических зданий. Тут и порт, и аэродром, и автострады, и каналы. Движутся малюсенькие автомобили, плывут корабли. У одного из домов даже «играет» шарманщик.

Провинция Гельдерланд. Каналы вблизи Арнема.

ОСЕНЬ НА КАВКАЗСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Андрей **НОВИКОВ**

Все позади! Долгий путь на автомашине окончен! Многие сомневались, стоит ли совершать путешествие из Москвы на Кавказское побережье осенью. То ли дело летом! Но что поделаешь, если отпуск пришелся на октябрь...

И вот теперь ясно, что все опасения были излишни. Черное море и в октябре приветливо. Осеннее солнце не так уж печет, но это как раз к лучшему. А озеро Рица, куда лежал наш путь, остается неизменным. В октябре, как и в разгаре лета, скалистые вершины над альпийскими лугами покрыты снегом. Вокруг озера — величественные горы, вековые леса.

Но прежде чем подыматься в гору и углубляться в лес, надо подумать о ночлеге — для себя и для машины. И тут мы узнаем приятную новость: на Рице совсем недавно открылся пансионат. За три месяца в нем побывало более трех с половиной тысяч человек. Приезжали отовсюду: из Магадана и Одессы, Свердловска и Киева, Москвы и Ленинграда. В пансионате вы можете получить комнату, найдется место и для машины. Если нужно, ей сделают небольшой ремонт. Жить в пансионате можно и три дня и месяц, режим зависит от вас.

Таких пансионатов на Кавказском побережье четыре, скоро их будет восемь.

Пока мы располагались в пансионате, пришлось убедиться, что на Рице действительно октябрь, а не июль или август. Неожиданно выпал снег. Поседели деревья, склонились розы под тяжестью снега. Странно выглядят машины, точно покрытые слоем ваты.

Но прошел какой-нибудь час, и от необычного пейзажа не осталось следа. Солнечные лучи быстро растопили снег.

А на побережье, в Сочи, октябрьское солнце продолжало баловать отдыхающих. Даже самые строгие родители не возражали против того, что малыши купались. Две маленькие фигурки выглядели так уморительно, что их нельзя было не заснять.

Многие на рассвете отправляются на внешний рейд: прямо с лодки они ловят рыбу. Вот в воздухе блеснула большая рыбина, но, сорвавшись с крючка, ушла в морскую пучину. Все произошло так быстро, что этот эпизод не удалось сфотографировать. Донеслись лишь запоздалые оправдания:

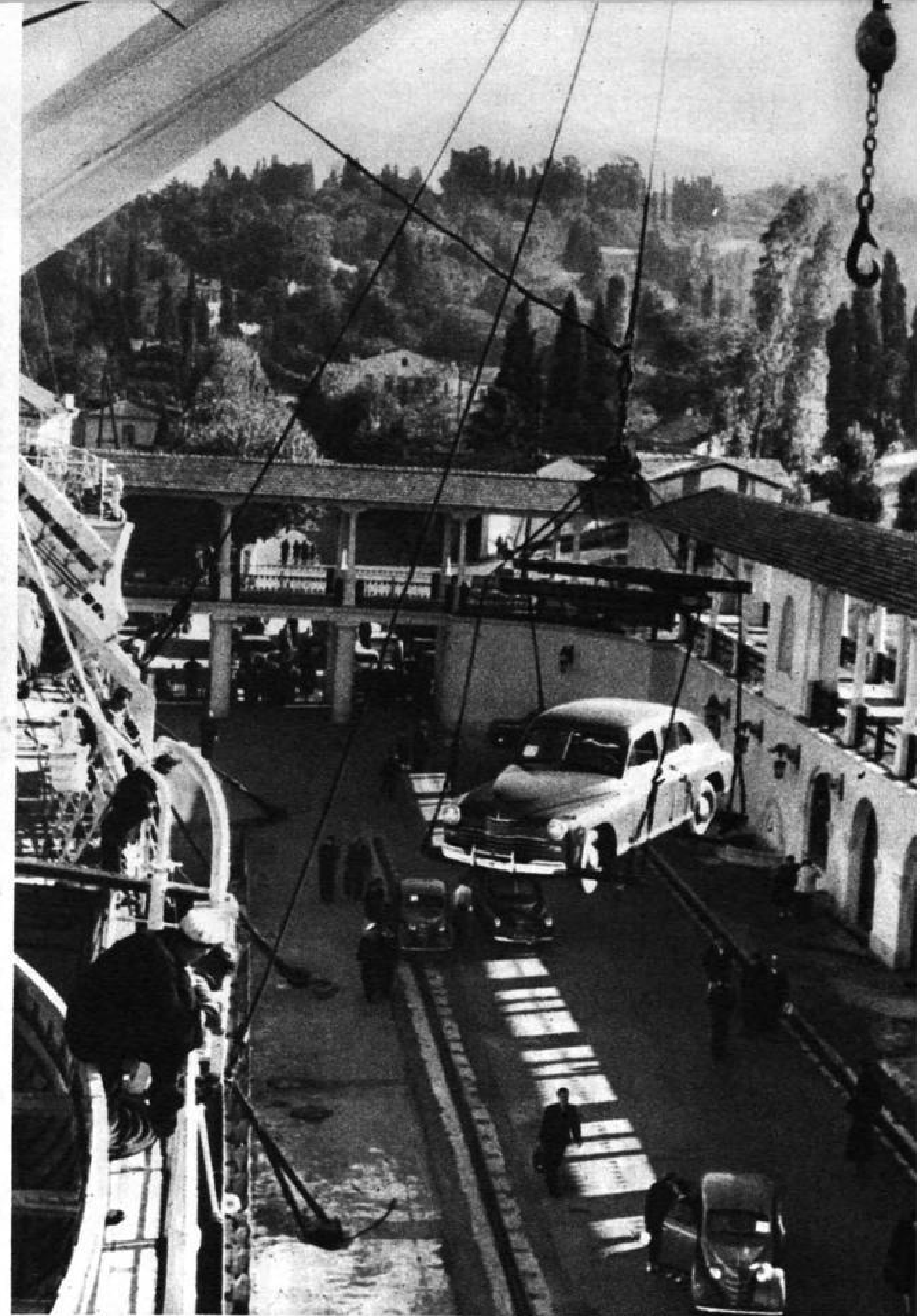
— Если бы она не сорвалась, разве я ее упустил бы!..

Но бывают и удачи. Немало ловят здесь и средиземноморской ставриды, которая в этом году подошла к нашему побережью.

Вечерние часы в октябре, как и летом, большинство предпочитает провести в парке, на набережной, в театре. На сценах сочинских театров выступают артисты, которых не всякому удавалось видеть в своем городе. Перед началом концерта Леонид Утесов напутствует музыкантов.

— Сыграем для отдыхающих так, чтобы подбавить им бодрости!

...Рано утром над просыпающимися Сочи раздается густой гудок дизель-электрохода «Россия». Пирс наполняется пассажирами. К числу «пассажиров» можно отнести и автомашины. Пока их владельцы располагаются в каютах, «Победы» и «Москвичи», схваченные тросами, бережно переносятся на палубу.

Есть люди, которые предпочитают отдых без комфорта. Их можно встретить неподалеку от мыса Пицунда. Это туристы учебно-спортивного лагеря общества «Металлург». Длинный путь они совершили по горам и вот теперь разбили лагерь в сосновом лесу. Зажжен костер, веселый костер, всегда радующий сердце путешественника.

Матвей Журбин (С. Лукьянов).

МАТВЕЙ ЖУРБИН И ДРУГИЕ

Не так давно на одном судостроительном заводе можно было наблюдать необычную для этих мест картину. В разных уголках его обширной территории изо дня в день появлялась небольшая группа людей с микрофонами, осветительными приборами и кинокамерами. На первый взгляд казалось, что идут съемки документального фильма и киноработники добросовестно стараются запечатлеть наиболее характерные моменты из жизни завода: плавные движения гигантских кранов, сверкающие свежей краской корпуса кораблей, готовых к спуску на воду, и, главное, труд сотен людей — рабочих, мастеров, инженеров.

Даже опытный взгляд не сразу смог бы отличить среди кадровых рабочих завода загримированных артистов Б. Андреева, С. Лукьянова, А. Баталова — исполнителей главных ролей в новом художественном фильме «Большая семья».

Понятно, что это не далось копированием чисто внешних признаков — одежды или манеры держаться,— а родилось в результате глубокого, вдумчивого изучения действительности. Немало способствовали тому работники завода. С каким вниманием здесь выслушивалось каждое слово, произносимое актерами, оценивался каждый жест! Можно сказать, что съемку каждой сцены контролировали тысячи глаз. И это не были взгляды равнодушных наблюдателей или любопытствующих зевак: в них была горячая, хозяйская заинтересованность.

«Большая семья» (по роману В. Кочетова «Журбины»). Сценарий — В. Кочетова, С. Кара. Постановка И. Хейфица. Главный оператор — С. Иванов, композитор — В. Пушков. Производство киностудии «Ленфильм». 1954.

Это были советы друзей, умеющих ценить правду, вдохновение, труд.

Новый фильм — наглядный пример удачной экранизации известного литературного произведения. Используя средства киноискусства, авторы фильма стремились, передавая содержание романа, усилить его эмоциональное воздействие. Почти все образы в фильме отличаются глубиной и отчетливостью индивидуальных характеристик (исключение, пожалуй, представляют лишь Антон Журбин — В. Медведев и Зина Иванова — Л. Кронберг). Крупнейшей творческой удачей является созданный артистом Б. Андреевым образ Ильи Журбина — потомственного рабочего, прошедшего огромный, трудный и вместе с тем прямой путь мастера своего дела, друга и воспитателя своих сыновей, человека, в котором все говорит о его кровной связи с народом. Глубокой уверенностью наполнено его утверждение, как бы итог долгой прекрасной жизни: «Рабочий класс — он корпус всей жизни человеческой. Без шума и треска строит, без шума и треска кормит, одевает весь мир!..»

Не менее значительна в фильме фигура Матвея Журбина (С. Лукьянов), кряжистого старика с добрыми, мудрыми и вместе с тем лукавыми глазами. Строгий, прямой, требовательный к самому себе и другим, беззаветно преданный своему делу, он не мыслит своей жизни вне жизни завода.

В кинокартине выступают талантливые представители актерской молодежи. Впервые снимаясь в кино, А. Баталов и Е. Добронравова создали многогранные, обаятельные образы Алеши Журбина и Кати Травниковой.

Но, конечно, наибольшая доля успеха в этой кинокартине принадлежит тому, кто всегда остается за экраном,— кинорежиссеру, постановщику фильма. Один из талантливых создателей таких классических произведений советского кино, как «Депутат Балтики» и «Член правительства», кинорежиссер И. Хейфиц продемонстрировал в «Большой семье» новые стороны своего дарования. Фильм и по содержанию и по форме является своеобразным призывом к борьбе со штампами в искусстве, к отказу от лакировки действительности. Зрелость режиссерского мастерства сказывается и в цельности актерского ансамбля, и в достоинствах изобразительной стороны фильма (главный оператор — С. Иванов), и в богатстве и тонкости найденных деталей.

Жизнь предстает перед зрителем фильма в ее многообразии, подробностях и порою в драматических контрастах. Постановщику удается целеустремленно, через весь фильм пронести великую горьковскую тему — тему воспевания трудящегося человека, творца всего прекрасного на земле.

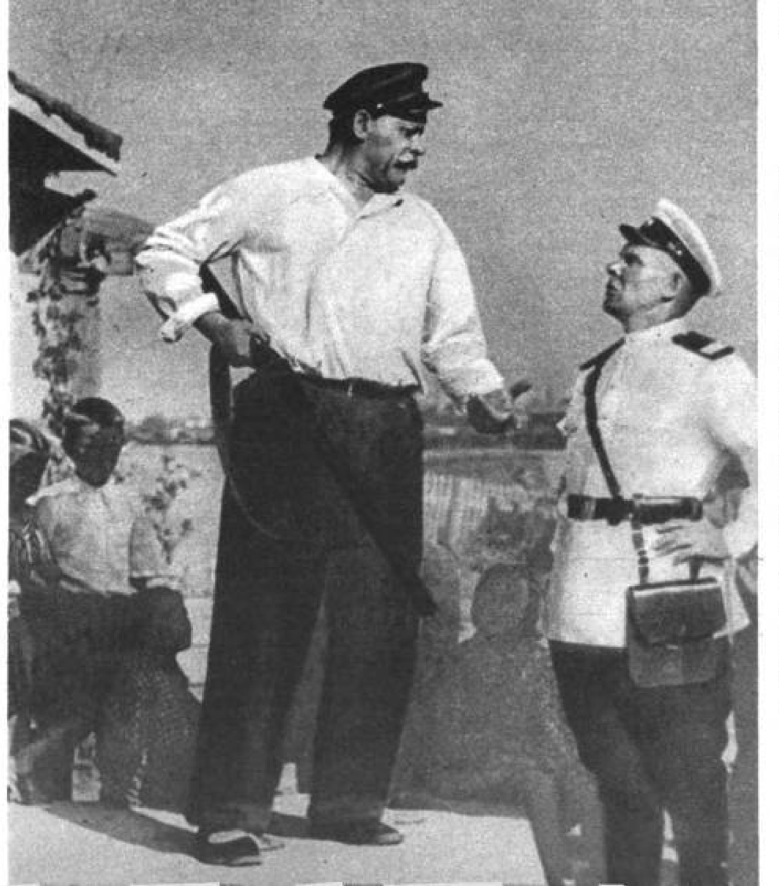
Л. БЕЛОКУРОВ

«Не уйду без тебя, Катя!» В роли Алеши — А. Баталов, в роли Кати Травниковой — Е. Добронравова.

Илья Журбин (Б. Андреев) и его друг Басманов (Н. Сергеев).

После салюта в честь рождения внука.

НАУКА И БЫТ

Инженер А. МОРОЗОВ

Есть старая сказка о человеке, дерзко пытавшемся прикурить трубку от гигантской электрической искры — от молнии. Современный электроприкуриватель, сверкающие ослепительной полировкой электрочайники, кастрюли, утюги, причудливой формы пылесосы, холодильники как будто ничем не связаны с непокорной и грозной электрической искрой. Но если любого человека заставить проделать весь путь вдоль электрической линии и приблизиться с папиросой или чайником к источнику высокого напряжения — тысяч в 220 или даже 400 тысяч вольт,— он окажется в не лучшем положении, чем герой сказки.

Только благодаря подвигу множества ученых, инженеров удалось покорить электрическую искру, сделать ее надежной помощницей в наших домах.

Исследователи уже очень давно трудились над защитой от удара молнии в провода, от электрических перенапряжений, возникающих в системе электропередачи. Научные работники Энергетического института Академии наук СССР и в особенности доктор технических наук И. С. Стекольников много сделали, чтобы «домашнее электричество» было безопасным.

Электрификация быта долго была каким-то «отходом» электротехники, решавшей сложные вопросы. Мы знаем имена создателей первых электрических генераторов, моторов. Но кто сделал первую электроплитку? Неизвестно.

Мы не представляем себе, какая понадобилась научная работа, чтобы электрические кастрюли, плитки, чайники стали компактными, удобными.

Огромная роль в получении металлов, очень сильно раскаляемых электрическим током и не боящихся этого, принадлежит Институту общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова Академии наук СССР. В сплавы, из которых делаются спирали и пластины, в основном входят железо, хром и никель. Но как ничтожные доли витаминов влияют на весь живой организм, так микродобавки в основную массу «электрических металлов» повышают их «жизнестойкость».

Сто часов в неделю — вот средняя норма занятости домашней хозяйки кухней и уборкой. Советская наука много сделала для того, чтобы снизить эту норму. Подсчитано, что при более или менее полной электрификации быта в семье из четырех человек появляется «невидимый пятый», берущий на свои никогда не устающие плечи значительную долю труда.

Вот, например, уборка помещения. Электропылесос и электрополотер во много раз ускоряют и облегчают работу. Кто сможет за один час натереть 50 квадратных метров пола? А электрополотер «П2», весящий всего 8,5 килограмма, легко выполняет это. Ручной электропылесос с той же поверхности засосет пыль и сор на полу за 10 минут.

Создание пылесоса потребовало усилий и ученых и инженеров. 12—16 тысяч оборотов в минуту делают в нем главные детали. Скорость движения воздуха в пылесосе превышает ураганную, ведь иначе сор и пыль не подхватывались бы его «хоботами». Неверный расчет, ошибка в мельчайших частях — и «комнатный ураган» будет причинять только неприятности. Наши специалисты после долгих опытов установили, как сделать такую машину, которая не перегоняла бы твердые частицы с места на место, а действительно «проглатывала» всю их массу без остатка.

Электрические установки, особенно установки, которые служат для нагревания, требуют постоянного наблюдения. Чаще всего причиной неприятностей, а иногда и несчастий является утюг. Это и понятно: его нагревающаяся поверхность ничем не защищена. Электрический утюг не только вызывает «загорание», выражаясь на языке пожарной охраны. Перегревшись, он нередко портит ткань. Поэтому хороший подарок для домашней хозяйки — утюг с терморегулятором: нагрев его устанавливается в зависимости от свойств ткани. Кроме того, утюг новой конструкции сам сбрызгивает ткань водой. В нем устроен бачок емкостью примерно в 1—1½ стакана. Превращенная в пар вода вырывается через отверстия в подошве утюга, увлажняя ткань.

Трудно найти хозяйку, которой доставляла бы удовольствие стирка. У нас есть отличные коммунальные прачечные, однако домашняя стирка играет еще немалую роль. На помощь пришли электрические стиральные машины. Первое время они были далеки от совершенства. Тогда конструкторы сделали мешалку, периодически вращающуюся в разные стороны, не закручивающую белье. Отжим белья можно производить и не между валками, а действием центробежной силы, выжимающей воду из ткани. После стирки вращение мешалки становится гораздо быстрее, и центробежная сила прижимает отбрасываемое белье к стенкам бака. Так серьезные научные выводы и расчеты применяются в скучном процессе стирки.

Когда подлинная наука берется за решение какой-нибудь задачи, она нередко находит принципиально новые решения вопроса, иногда поразительные. Испокон веков известно, что, стирая вещь, ее надо как следует тереть. В удивительных по простоте машинах для ультразвуковой стирки быстропеременные электрические токи вызывают колебания основной детали, не вращающейся, а только дрожащей так часто, что звуки, связанные с этими дрожаниями, не слышны для человеческого уха. Абсолютное отсутствие трущих белье механических деталей предохраняет его от порчи. Ультразвуковые колебания превращают стиральную жидкость в тончайшую эмульсию, отлично удаляющую грязь. Кроме того, любая материя обеззараживается: ультразвуки убивают микробов.

«Дороги», которыми электричество входит в наш дом, приметнее, чем пути других наук, облегчающих быт советского человека. Автоматические приспособления, делающие безопасными и газовую плиту и колонку для ванны и регулирующие отопительную систему так, чтобы она нагревала наши комнаты до определенной температуры,— кто ломал над ними голову? Дежурный котельной? Домашняя хозяйка? Нет. Их сконструировали разные специалисты. «Мозгом» этих устройств являются термопары — соединения разных металлов, посылающих электрические сигналы.

Все обильнее и разнообразнее становится наша домашняя «химическая лаборатория». Многие препараты в ней носят названия малоизвестных заводов, артелей. А рецептура всех этих клеев, моющих и чистящих веществ составлялась в свое время профессорами и академиками.

Не так давно бытовая химия главным образом связывалась с «таинственными составами», все склеивающими, все очищающими. И у доверчивых людей, приобретших где-нибудь на рынке «универсальный удалитель пятен», вместе с пятном на одежде навсегда исчезал и соответствующий кусок ткани. Теперь «бытовая химия» не только не разрушает одежды, но и часто целиком одевает нас. Мы носим трикотажные изделия, штапельное полотно, искусственную шерсть и даже каракуль, которые химики приготовили... из дерева.

Едкие вещества, высокое давление и механическая обработка превращают куски дерева в вискозу, вязкую массу золотистого цвета, из которой получают то гладкие, блестящие волокна, то мягкие, пушистые и волнистые.

На одном из наших заводов сконструирована машина «КН-50» — каракулеукладочная машина,— которая наносит вискозные волокна на материю в виде причудливого узора каракуля. Одна машина «КН-50» в год дает столько же продукции, сколько можно получить из шерсти полмиллиона ягнят!

Химия древесины на редкость могущественна и щедра: кубометра древесины хватает на 4 тысячи пар шелковых чулок или на 1 500 метров шелковой ткани. Из дерева изготовляется вискозный шелк, а из целлюлозы хлопка вытягивают тончайшие нити ацетатного шелка, замечательного, между прочим, тем, что он пропускает ультрафиолетовые солнечные лучи. В костюме и белье из этого шелка можно отлично загореть. В то же время ацетатный шелк отличается невероятной на первый взгляд прочностью: нить из него прочнее стальной проволоки того же сечения.

Другое чудо «бытовой химии» совершил лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Ака-

Академик П. А. Ребиндер (справа) в своей лаборатории.
Фото А. Гостева.

Маленький велосипедный мотор «Иртыш» превращает любой велосипед в машину «дальнего сообщения».

Фото Б. Кузьмина.

демии наук СССР В. В. Коршак. Он получил в лаборатории искусственную смолу, внешне похожую на перламутр. Нити из нее так тонки и прозрачны, что чулки, сделанные из них, не сразу заметны на ногах.

Химия дает нам не только ткани, но и кожу, которую не всякий специалист отличит от настоящей. Из искусственной кожи, обладающей порами, изготавливают и обувь и даже костюмы.

Создавая новые вещи, химия помогает защищать наше имущество от порчи, в том числе и изделия из натуральных материалов. Много неприятностей причиняет быстро «вылезающий» мех. В Московском технологическом институте легкой промышленности имени Л. М. Кагановича сотрудники кафедры кожи, меха и дубильных экстрактов определили, что мех вовсе не обладает свойством «вылезать», волосы не выпадают, а ломаются у самой поверхности кожи. Чтобы спасти мех от «облысения», достаточно нанести на волоски у оснований прочную и прозрачную пленку. Такое вещество уже приготовлено и испытано в институте. Результат оказался очень хорошим.

Для людей, далеких от химии, слово «фреон» совершенно непонятно: камень ли это, машина, металл, неизвестно. В домашнем холодильнике фреон-12, называемый химиками более сложно — дифтордихлорметаном, — служит истинной кровью всей установки. Циркулируя в холодильнике, фреон-12 при испарении поглощает так много тепла, что в камере для хранения продуктов может быть мороз в несколько градусов.

Как в квартире, в доме можно долго хранить овощи и фрукты? Химия дала ответ на этот вопрос. Работники Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, Всесоюзного института спиртовой промышленности и Мосплодоовощеторга получили химические препараты — феоплат и гербисид, которые в течение целого года задерживают прорастание картофеля. Картофель сохраняет благодаря этому свою питательность, сочность.

Все больше и больше сил ученые расходуют и на то, чтобы дольше жили вещи домашнего обихода, чтобы они меньше изнашивались, лучше служили своим владельцам. Одно уменьшение износа ткани во время стирки — это миллиарды рублей экономии. И не случайно «проблемой мыла» занялась Академия наук СССР. Решением этой задачи занимался и занимается академик П. А. Ребиндер. Группой советских ученых разработан способ приготовления моющих средств без дорогого жира, раньше всегда считавшегося основой любого мыла. Синтетические мыла хорошо моют даже в такой жесткой воде, как морская. Новый стиральный порошок совершает на глазах домашней хозяйки поистине чудо: ткань, погруженная в его раствор, не требует стирки, применения физических усилий: слегка отжимая ткань, хозяйка вынимает ее из чашки или бака уже очищенной от любых пятен...

Во многих случаях трудно указать, какому разделу научных знаний мы должны быть благодарны за ту или другую вещь, окружающую нас в доме.

Магнитофон, записывающий на пленку нашу речь,— результат работы электриков, металлургов, специалистов по акустике. Строители, химики и физики создали звукопоглощающие плитки и устройства. Мотор «Иртыш» любой велосипед превращает в машину «дальнего сообщения». Чтобы создать этот мотор, тоже понадобилась совместная работа многих специалистов.

Каждый новый шаг вперед в области электрификации, химизации и механизации нашего быта открывает все более заманчивые перспективы. Мы ждем от наших ученых аппаратуру для цветного телевидения, для приема телевизионных передач в любом месте и из любого края страны. Достижения советской науки позволяют надеяться на широчайшее применение в быту солнечной энергии — для нагревания воды, приготовления пищи, отопления жилищ. Будут у нас изготовлять стекла, пропускающие ультрафиолетовые лучи, необходимые для здоровья. Придет время, когда в квартирах появятся надежные и безопасные установки для победы над бессонницей. Сейчас такие аппараты — достояние лишь медицинских учреждений, но их усовершенствование может сделать эти установки почти такими же доступными, как электрогрелки. Дома мы сможем пользоваться искусственным солнцем (лампами горного солнца). В небольших зданиях автоматически поднимающиеся ступени лестниц заменят лифты. Добавление люминофоров, светящихся веществ, в искусственные ткани, кожу, краски во много раз удлинит срок службы различных домашних вещей. Ученые уже установили, что износ и тканей и кожи очень ускоряют короткие волны солнечного света, а люминофоры нейтрализуют вредное действие этих лучей, превращают их в длинные, безвредные...

Цель истинной науки — благо человека. В нашей стране все научные достижения, какими грандиозными бы они ни были, в конечном итоге должны способствовать улучшению условий жизни людей. Ученые прилагают все усилия для выполнения этой задачи.

ЛИТОВСКИЙ СОЛОВЕЙ

Саломея Нерис.

Рис. А. Яр-Кравченко.

Саломея Нерис родилась 17 ноября 1904 года. На днях поэтессе исполнилось бы пятьдесят лет; но уже более девяти лет литовский народ не слышит новых песен Нерис.

Крестьянская дочь из деревни Киршай, учащаяся, студентка, учительница гимназии в Лаздияй, Паневежисе, Каунасе, Нерис на своем веку много пережила. Она видела ужасы первой мировой войны, потом кайзеровской оккупации Литвы, годы ее молодости и зрелости прошли при сметоновском режиме.

Писать Нерис начала рано. В двадцатилетнем возрасте она впервые публикует свои стихи, а спустя три года выпускает первую книгу—«Ранним утром». Благосклонность, с которой встретила эту книгу буржуазная критика, объяснялась тем, что ранние стихи Нерис — при всей их тонкости и точности — были далеки от реальной исторической жизни Литвы, от бурь современности.

Долго оставаться в кругу камерной лирики первого своего сборника Нерис не могла и не хотела. Книга стихов 1931 года «Следы на песке» стала для поэтессы переломной. Эти «следы» вели Нерис прочь от буржуазной эстетики. Об избранном пути Нерис заявила во всеуслышание. В 1931 году в пятом номере журнала «Третий фронт», издававшегося группой демократически настроенных антифашистских писателей Литвы, Нерис опубликовала литературный манифест. В нем читаем: «Отныне я сознательно выступаю против эксплуататоров рабочего класса и постараюсь свой труд сочетать с действиями обездоленных масс так, чтобы моя поэзия в будущем выражала их чаяния и идеалы народной борьбы и была бы в этой борьбе их оружием».

Путь Нерис был выбран верно. На этом пути ее ждало много творческих побед. Подпольная коммунистическая печать Литвы публикует стихи Нерис. Поэтесса живет мечтой о близящемся освобождении народа.

И вот настал 1940 год, когда Литва вошла в Союз Советских Социалистических Республик.

Угловатый и сосредоточенный Монтвила, жизнедеятельный и добросердечный Цвирка, мечтательная Нерис — каждый из этих писателей по-своему, но все с огромной радостью встретили это великое событие. Поэзия, верно и быстро откликаясь на общенародное настроение, переживает пору весеннего расцвета. Нерис пишет много, жадно, с упоением. Ее песня слышна не только в Мариямполе и Аникшчяй, но и в Москве, с трибуны Верховного Совета.

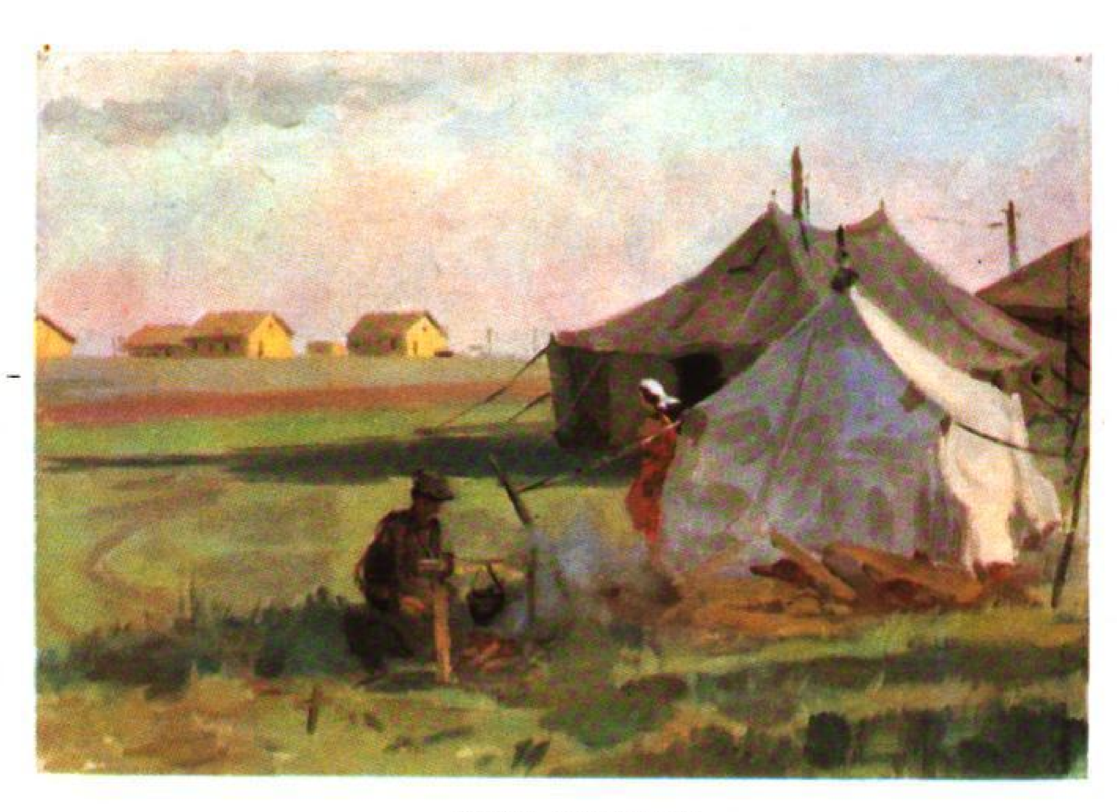
Неполный год довелось поэтессе, как и всем гражданам Советской Прибалтики, поработать в мирных условиях: «...Едва мы дождались свободы, тучи грозно над нами сгустились». Нерис сразу же находит свое место в ряду защитников родины от гитлеровских оккупантов. Всей своей работой в дни войны она прекрасно доказала, что «Родину мы любим делом, а не словом, пламенем сердечным с нею говорим». Песня Нерис звучит по радио. Поэтесса выступает перед бойцами литовских частей Советской Армии. После освобождения Литвы в стихотворении «Соловей не может не петь», давшем название целой книге, Нерис писала о радости освобождения, о новом трудовом дне народа.

Типографские машины печатали книгу о соловье, который не может не петь, а Нерис лежала, сраженная тяжелой болезнью. Это было в июле 1945 года. Оборвалась песня Саломеи Нерис, которую в народе называют литовским соловьем.

Подобно тому как киевляне или черниговцы зовут Украинку по имени — Леся, а Хетагурова в Осетии — Коста, литовцы, как много раз мне приходилось слышать, называют свою поэтессу Саломея. Это не фамильярность. Саломея Нерис для литовцев — очень близкий человек. Ее портрет и книги — в каждом доме, дружественное слово — в каждом сердце. Нерис знают и ценят в России и в Белоруссии, в Армении и в Таджикистане. Ее песня, услышанная вначале на литовском янтарном берегу, облетела многие и многие земли.

Лев ОЗЕРОВ

Этюды Н. Н. ЗОЛОТАРЕВА.
Русско-Полянский зерносовхоз, Омской области.

СКОРО НОВОСЕЛЬЕ.

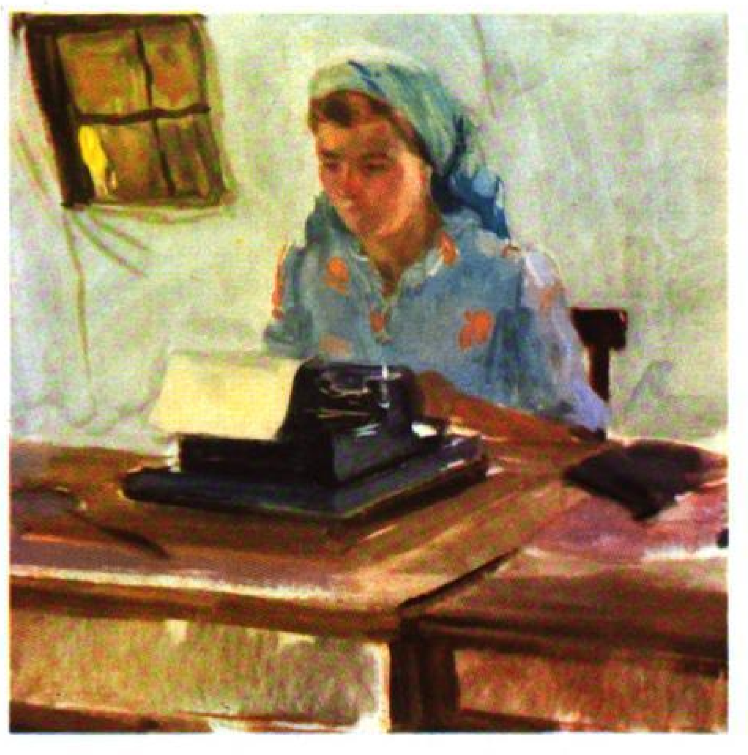

ТРАКТОРИСТКА ТАМАРА ГОЛОВИНА.

У АВТОЛАВКИ.

ДЕЖУРНАЯ В ПАЛАТКЕ ДЕВУШЕК-СТРОИТЕЛЕЙ.

МАШИНИСТКА ЛЮБА КАРПОВА.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ УСАДЬБА РУССКО-ПОЛЯНСКОГО ЗЕРНОСОВХОЗА.

ЗОЛОТАЯ РУКА

Рассказ

Из неопубликованного

М. ПРИШВИН

Рисунок В. Высоцкого.

Нашему дедушке в этом году стукнуло семьдесят семь лет, но он все не унимается, работает с утра до ночи, а в свободное время даже и на охоту ходит.

Прошлый год погибла от чумы его любимая собака Жулька (Жизель). Наши соседи говорили:

— Ну, вот, теперь уж дедушка не будет больше возиться с собаками. Хватит!

Да и мы сами думали, что нет у него больше духу купить нового щенка, выращивать его, учить дома и в поле.

Нет! Опять у нас подрастает щенок, только не Жулька, а Жалька (Джали), и в доме опять кутерьма: то стянет с гвоздика полотенце и мчит его по коридору с высоко поднятой головой, то у соседей кастрюлю опрокинет с молоком,— сам испугается, забьется под диван, лежит и дрожит. И опять у нас соседи ворчат:

— Семьдесят семь лет старику — и все не унимается, какой-то неуемный бубен.

Но не из железа же сделан человек! В последнюю эпидемию гриппа дедушка наш захворал. Какое уж там железо! Дедушка непрерывно кашлял, загорелся и слег в постель.

Вызвали знакомую докторшу, и прилетела к нам, как облако, вся в голубом, молодая блондинка, наша районная докторша Юлия Павловна.

— Дышите! — приказывает.

Дедушка дышит и кашляет.

— Еще дышите!

Еще дышит и кашляет, в груди что-то поет на всю комнату.

Докторша выслушала дедушку, нахмурилась, покачала головой и говорит:

— Пришло время и вам поболеть!

У дедушки оказалось воспаление в легких, на той и на другой стороне.

— Пенициллин! — сказала Юлия Павловна.

И назначила ввести в тело дедушки армию в пять миллионов бойцов, называемых «медицинскими единицами». Что это значило, мы поняли, когда принесли лекарство из аптеки. В коробке было множество пузырьков, и в каждом пузырьке на донышке порошок желтого цвета. Было две крышечки на каждом пузырьке: одна металлическая, легко снималась, другая — резиновая.

Сквозь эту резиновую пробочку протыкали острой иглой дырочку и вводили бесцветную жидкость. Порошок плесени в ней растворялся. Потом жидкость из пузырька выкачивали шприцем, и это была целая армия бойцов в сто тысяч медицинских единиц, готовых войти в тело человека и начать борьбу за его жизнь.

Решено было через каждые три часа круглые сутки вводить по сто тысяч бойцов и всего ввести на борьбу с болезнью войска пять миллионов.

Нам стало жалко дедушку, и мы спросили:

— Очень больно будет?

Вместо ответа докторша подошла к телефону и долго спорила с кем-то, настаивала на своем, повторяя имена медицинских сестер — Клавдии Ивановны и Елены Константиновны. Кончив разговор, она ответила нам на вопрос: больно ли будет дедушке или терпимо?

— У нас, — сказала она, — есть медицинская сестра Клавдия Ивановна, и у нее такая легкая рука, что сонного уколет — и он слышать не будет. Сейчас она занята и придет только через сутки, но ждать нам нельзя; сейчас придет другая сестра — Елена Константиновна, тоже хорошая сестра, строгая, аккуратная, только жалуются больные: колет больно, рука тяжела.

Первый укол сделала сама Юлия Павловна, и так легко, что дедушка во время укола чему-то улыбнулся. И когда Юлия Павловна ушла, он стал еще больше смеяться и сказал:

— Длинный сарафан!

— В чем дело? — спросили мы.

— Волос долог, — ответил он. — Как это вы сами не понимаете? Она доктор, ученая женщина, а держится бабьих глупых басен о тяжелой и легкой руке. Не в легкой руке дело и не в тяжелой, а в уме и в мастерстве. Колет больно, — значит, плохо умеет, колет без боли, — значит, мастер своего дела.

— Ничего, дедушка,— подсчитав, сказали мы, — потерпите: в сутки Елена Константиновна будет колоть вас всего восемь раз, один раз сделано — остается семь, — и введет вам восемьсот тысяч бойцов, а всего надо ввести пять миллионов, и это будет делать Клавдия Ивановна, а у нее рука легкая.

— Легкая! — засмеялся дедушка добродушно, понимая, что и мы смеемся над суеверием докторши.

Через три часа после первого укола пришла сестра Елена Константиновна, и сразу же с ее приходом у нас как будто все сошло со своих мест. Не успела в передней сестра снять один свой ботик и приняться за другой, как Жалька схватила первый ботик, высоко подняла его и, помахивая им в разные стороны, помчалась по коридору. Сестра в одном ботике помчалась за Жалькой, Володя и Миша — за сестрой.

В большой комнате Жалька с ботиком носилась вокруг стола, и дети с трудом ее поймали. Во все время этой погони сестра ни разу не улыбнулась, и бледное узкое лицо ее покрылось несходящими сердитыми красными пятнами. Она потребовала удаления собаки. Жальку заперли, и она в неволе выла все время и беспокоила наших соседей. Больше всего обидно было за детей: они же отбили ботик у Жальки, и им же рассерженная сестра в глаза сказала:

— Какие невоспитанные дети!

Через каждые три часа круглые сутки сестра вводила в тело дедушки по сто тысяч бойцов. Во время укола больной закрывал глаза, а по лицу его во время вливания как будто перебегали серые мышки.

Дедушке становилось все хуже и хуже. Ясные глазки его потускнели, и он редко их открывал.

— До свиданья, будьте здоровы! — сказала ему сестра.

Больной открыл глаза, поглядел и, ничего не сказав, закрыл. Сестра ушла, и те красные пятна на ее бледном лице так и не сошли.

Через три часа после ухода первой сестры пришла к нам сестра Клавдия Ивановна. Она была маленькая, и так было чудно́: она как будто смеялась глазами, а щеки только помогали немного глазам улыбаться. Из всех нас эти милые глаза сразу же выбрали Жальку, и в ответ собака прыгнула и чуть-чуть только не поцеловала маленькую сестру в губы.

Когда сестра помыла руки, надела халат, мы все вместе и, конечно, с Жалькой вошли к дедушке, и он, увидав Жальку, как будто чуть-чуть улыбнулся и, глядя на Клавдию Ивановну, как будто узнавал ее.

Сколько бойцов ввела Клавдия Ивановна, как боролись армии за жизнь человека, все это записывалось; число вливаний, пульс, температура — все оставалось на бумажке для доктора.

Сам дедушка нам рассказывал потом, что в какую-то ночь, перед каким-то вливанием слышит он, будто Жалька лапой царапнула по

двери и открыла ее, и тихонько вошла. Все в доме спали, и так было тихо, что слышалось ясно больному, как стучали на ходу о пол собачьи коготки. Этот стук прекратился у постели, и дедушке стало так хорошо, так почему-то радостно.

— Дай лапку! — сказал он.

Жалька положила на постель одну лапку.

— Дай другую! — приказал больной.

Жалька положила другую лапку и поднялась.

Тогда представилось дедушке, как это часто во сне представляется охотникам, будто не простые это полянки в лесу, не простые цветы, а заливы цветов, и по ним, по цветистым заливам, в теплом море, в сиянии носится его собака, и он идет, идет из залива в залив, и конца этому нет, и все лучше и лучше...

Но это радостное охотничье чувство налетело и прошло. Дедушка понял, что теперь далеко до лета, что он болен, а Жалька носом холодным подняла одеяло и лизнула тело его горячим языком. Теперь собака, по его рассказу, конечно, должна бы прыгнуть на кровать, а это нельзя, и дедушка закричал:

— Убирайся вон!

Очнувшись, он увидел, что это не собака была, а Клавдия Ивановна стоит над ним и смеется своими глазами.

— Извините меня, Клавдия Ивановна, — сказал дедушка. — Мне приснилось, будто это Жалька лезет ко мне на кровать. Пожалуйста, сделайте вливание.

— А я уже сделала! — ответила Клавдия Ивановна.

Так сделала безболезненно, что дедушка совсем ничего не слыхал, никакой сучок даже не уколол его сквозь сон на волшебной охоте в лесу, и самый укол он понял, будто любимая его собака лизнула по телу горячим языком.

Дедушка вдруг чему-то очень обрадовался, пожал руку сестре и сказал:

— Сестрица, дорогая, у вас золотая рука!

Наверно, этот укол и был тот самый, когда враждебная жизни армия капитулировала и здоровье стало возвращаться к больному. На другой день вернулся к дедушке обычный его интерес к жизни всякого человека, и Клавдия Ивановна подробно рассказывала ему о себе: сколько она зарабатывает в поликлинике, сколько подрабатывает ночными дежурствами и куда и на что идет ее заработок. Оказалось, что муж ее убит на войне и у нее на руках теперь мать и мальчик Андрюша шести лет.

— Шесть только лет, — рассказывала Клавдия Ивановна, — а какой умница, если бы вы только знали!

И привела пример из жизни Андрюши такой, что каждый день непременно, когда она возвращается со службы, он задает вопрос, кем ему лучше сделаться, чтобы потом помогать маме и бабушке.

— Доктором, конечно? — сказал дедушка.

— А это он сам знает, и сам каждый день называет что-нибудь новое: доктором — было, рабочим — было, инженером — и чего, чего! А в последний раз, знаете, что сказал?

— Наверно, летчиком? — спросил дедушка.

— Летчиком — это уже много раз. Нет! «Хочу, — говорит, — сделаться администратором!».

— Адмиралом, наверно? — спросил дедушка.

— Нет, — отвечает сестра, — администратором.

Дедушка весело засмеялся над этим администратором, а когда сестра закончила свое дежурство, нашел какую-то книгу с картинками и надписал на ней:

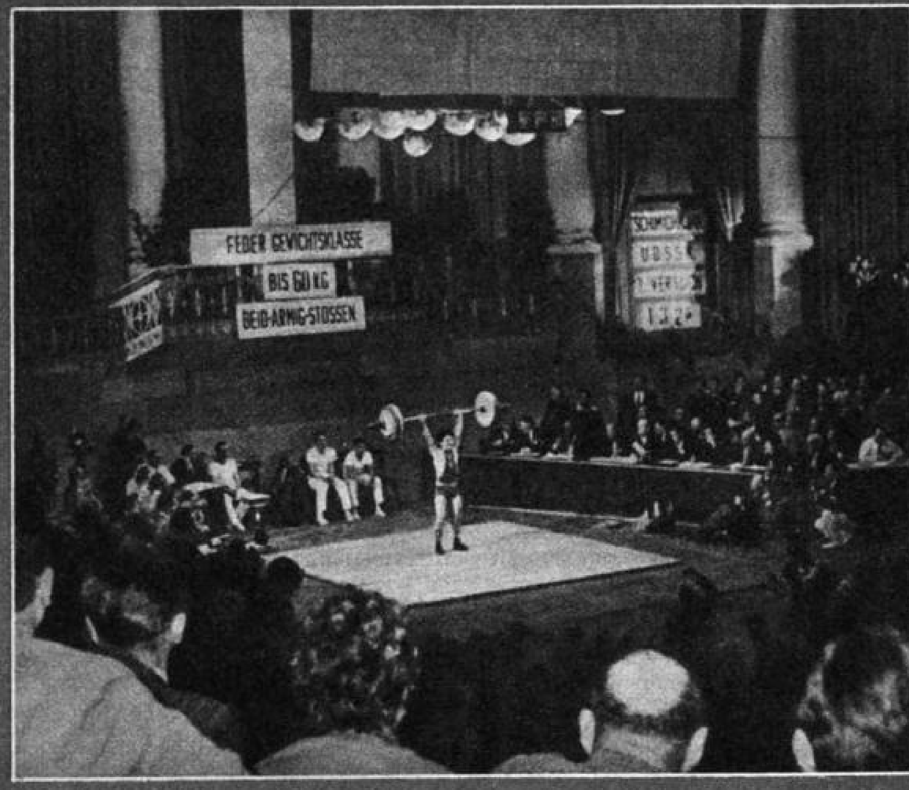
«Милый Андрюша! Не думай много о том, кем тебе быть. Будешь доктором, будешь рабочим, инженером, летчиком, администратором — на всяком месте помни о маме, работай, как она, и везде будет тебе хорошо, везде будут говорить: у Андрюши, как у мамы его, золотая рука».

До того скоро ожил дедушка от пенициллина, что соседи, увидав его, сказали:

— Вам эта болезнь, как с гуся вода!

— Не в гусе дело, — ответил дедушка, — а в совершенстве ума человеческого. Подумайте только, будь у людей это средство в 1910 году, так не умер бы Лев Толстой от воспаления легких где-то на глухой станции, а пожил бы великий человек с нами еще сколько-то лет.

НА ПОМОСТЕ В ВЕНЕ

К. НАЗАРОВ,
вице-президент Международной федерации тяжелой атлетики

После победы штангистов СССР на первенстве мира 1953 года в Стокгольме борьба на тяжелоатлетических помостах сразу же разгорелась с новой силой. Сведения, доходившие из США, говорили о том, что американские спортсмены, самые серьезные противники советских атлетов, сразу же стали готовиться к первенству мира 1954 года. Упорно тренировались и штангисты Египта, Ирана, Австрии, Швеции, Франции, Англии, Финляндии.

И вот в октябре сильнейшие тяжелоатлеты двадцати трех стран съехались в Вену. Еще до открытия соревнований венские газеты наперебой обсуждали возможные итоги мирового первенства, и, выражая общее мнение, газета «Винер тагесцейтунг» писала: «Предстоит борьба не на жизнь, а на смерть».

Действительно, состязания предстояли исключительно напряженные. Руководитель команды США Боб Гофман, приехав со своими спортсменами в Копенгаген, где они по дороге в Вену провели несколько тренировок, заявил на пресс-конференции: «Американские тяжелоатлеты усиленно готовятся к соревнованиям, чтобы взять реванш за поражение в Стокгольме».

По мнению Гофмана, в легких весовых категориях советские спортсмены снова будут первыми, но в тяжелых весах впереди окажутся американцы, что и принесет им командный приз. Командная победа самая почетная в борьбе за первенство мира, и к ней устремлены главные усилия соперников. Ведь для того чтобы завоевать эту победу, надо показать лучшие результаты в большинстве весовых категорий, слить воедино усилия всех семи спортсменов. Чем выше число призеров в команде, тем больше у нее шансов оказаться победительницей.

Командный приз мирового первенства по штанге, завоеванный советскими спортсменами.

По условиям соревнований за первое место атлет получает пять очков, за второе — три и за третье — одно очко. Каждая команда состоит из спортсменов семи весовых категорий, но участие во всех категориях не обязательно. Команда может не выставить участника в одном весе, а в другом — сразу двух атлетов.

На чем же основывалось заявление Гофмана? На прошлогоднем мировом чемпионате советская команда в полусреднем весе набрала всего одно очко, а в полутяжелом — вовсе не выставила спортсменов. Поэтому руководители команды США надеялись набрать в этих весовых категориях максимальное количество очков. В среднем же весе, где предполагалось выступление двух сильнейших советских штангистов, А. Воробьева и Т. Ломакина, американцы, как выяснилось, поставили своего сильнейшего атлета, чемпиона мира 1953 года в полу-

среднем весе Т. Коно. Его задача была очевидна: отодвинуть одного из советских спортсменов на третье место, ограничив его вклад всего одним очком.

Состязания на первенство мира состоялись в венском зале «Концерт-хауза». В борьбе на помосте принимали участие 99 человек, и начинали ее атлеты легчайшего веса (до 56 килограммов). От команды СССР здесь выступал Б. Фархутдинов. Главным его соперником оказался прославленный иранский атлет М. Намдью. Этот спортсмен долгое время не участвовал в соревнованиях, но неожиданно для всех оказался в отличной форме. Однако уже после первого движения — жима — советский спортсмен стал лидером. Иранские спортсмены не смогли ликвидировать образовавшийся разрыв, и Фархутдинов занял первое место, набрав 315 килограммов — на 7,5 килограмма больше Намдью.

Первые пять очков завоеваны, теперь слово за полулегковесами. Здесь борьба за первенство разгорелась между тремя спортсменами: известными советскими атлетами Р. Чимишкяном, И. Удодовым и штангистом Бирмы Тун-Моунгом. О нем много писали в зарубежной прессе, и, конечно, кое-кто был очень заинтересован в том, чтобы этот действительно способный атлет «вбил клин» между Чимишкяном и Удодовым, заняв второе место. Однако Тун-Моунгу это не удалось. Уже после второго движения — рывка — стало ясно, что борьба за первое и второе места развернется между двумя отлично подготовленными атлетами СССР. Они подняли в сумме трех движений по 350 килограммов. Это был новый мировой рекорд (прежний рекорд принадлежал Р. Чимишкяну — 345 килограммов). По условиям соревнований, первое место завоевал Р. Чимишкян, чей собственный вес был меньше веса Удодова на 300 граммов. В дополнительной, четвертой, попытке Р. Чимишкян установил также мировой рекорд в толчке — 143 килограмма.

В результате команда получила еще 8 очков. А вскоре к двум новым чемпионам мира присоединился и третий — атлет легкого веса Д. Иванов. Он набрал в сумме трех движений 367,5 килограмма. Второе место занял египтянин С. Гоуда, третье — австриец Г. Таухнер.

После борьбы в трех весовых категориях советская команда имела уже 18 очков, в то время как американцы только готовились к первому выходу на помост. Как же сложится борьба в тяжелых весовых категориях? И вот в состязание вступили американцы. Начали борьбу атлеты полусреднего веса (до 75 килограммов).

Прославленные спортсмены США П. Джордж и С. Станчик встретились у штанги с 23-летним ленинградцем Ф. Богдановским. Никто не предполагал, что советская команда выставит в этой весовой категории своего атлета, и появление на помосте малоизвестного спортсмена сперва никого не встревожило. В самом деле, что мог противопоставить Богдановский, занимающийся тяжелой атлетикой всего 5 лет, таким испытанным силачам, как Джордж и Станчик? Джордж уже дважды выигрывал первенство мира — сперва в полусреднем, а затем в легком весе. Станчик имел еще больше побед. Он был чемпионом мира в трех весовых категориях — в легком, полусреднем и среднем весе. Но в результате напряженной борьбы Богдановский выполнил трудную задачу, поставленную перед ним, и вклинился между Джорджем и Станчиком, заняв второе место. Он поднял 402,5 килограмма, установив новый всесоюзный рекорд. Всего на 2,5 килограмма удалось оторваться от него П. Джорджу. Станчик остался на третьем месте.

После этого советская команда имела уже 21 очко. И тут началась борьба атлетов среднего веса — Т. Ломакина и американца Т. Коно. Всем было известно, что Коно исключительно хорошо подготовился к первенству мира. Незадолго до этого, выступая в Копенгагене, он поднял в толчке 172,5 килограмма — на 2 килограмма больше, чем Ломакин, обладатель мирового рекорда в этом движении. Но команда верила в возможности своего товарища, одного из лучших советских штангистов, и Ломакин доказал, что вполне мог бороться с Коно за первое место. Ему достаточно было поднять в толчке 167,5 килограмма, чтобы набрать с Коно одинаковую сумму — 435 килограммов, сумму нового мирового рекорда. Неудачное выступление Ломакина в толчке, где он обычно особенно силен и не раз поднимал такой вес, определило судьбу первого места. Но Коно не добился главного: ему не удалось отбросить одного из советских атлетов на третье место.

Воробьев вопреки всем предположениям принял участие в борьбе полутяжеловесов. Единоборство замечательного советского спортсмена, студента 4-го курса Свердловского медицинского института А. Воробьева, с двумя американскими штангистами, Шеппардом и Эмричем, решало судьбу командного первенства. Советские штангисты к моменту выхода Воробьева на помост набрали 24 очка, штангисты США имели 11. Если бы им удалось отодвинуть Воробьева на третье место, то после выступления штангистов тяжелого веса, где американцам была обеспечена победа, их команда выходила бы вперед, набрав 27 очков.

С огромным волнением следили советские спортсмены за выступлением товарища. Они восхищались необыкновенной силой воли этого человека, его невозмутимостью, исключительной сосредоточенностью. Воробьев поднял 460 килограммов, побив на 15 килограммов прежний мировой рекорд, принадлежавший американцу Н. Шеманскому. Шеппард отстал от Воробьева на 20 килограммов, Эмрич, занявший третье место, — на 32,5 килограмма.

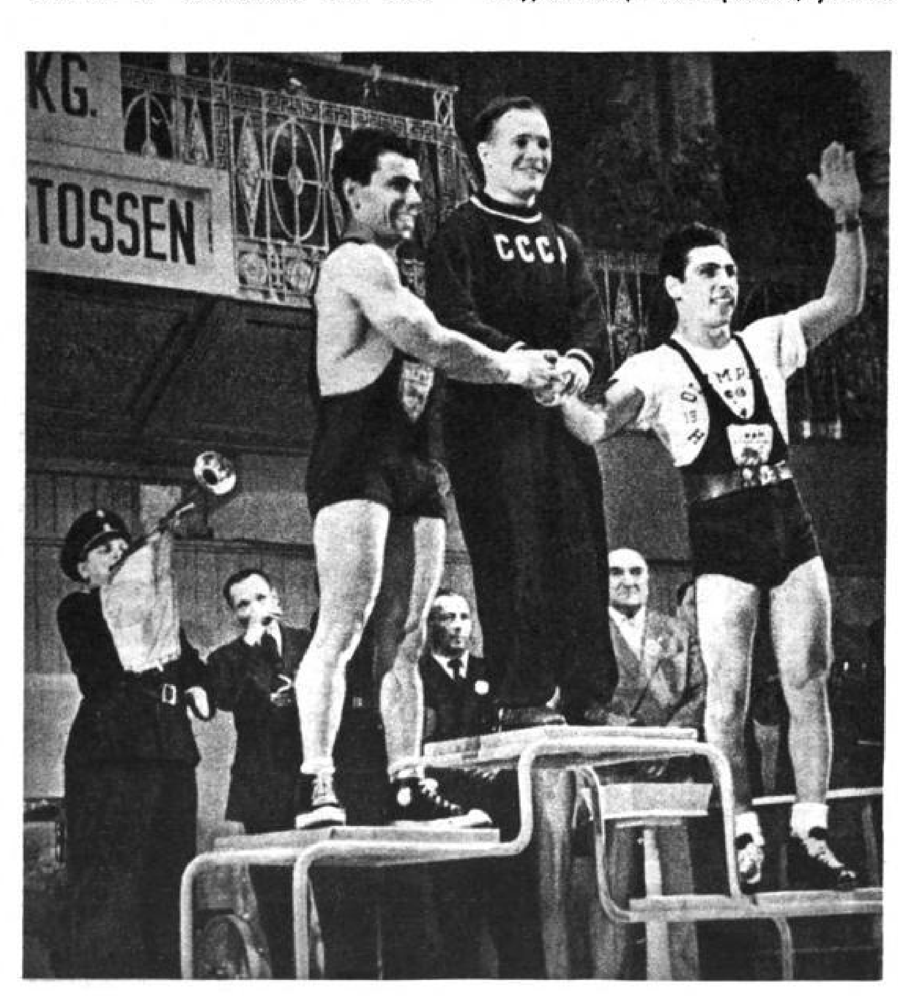
Пять очков, внесенных Воробьевым в общий фонд победы, сделали советскую команду недосягаемой. Она набрала 29 очков, в то время как успех штангистов США в тяжелом весе доводил их сумму очков только до 23.

Несмотря на то, что судьба командного первенства была решена, состязание тяжеловесов представляло большой интерес. Здесь, на помосте, встретились американцы Н. Шеманский, до сих пор выступавший в полутяжелом весе, и Д. Бредфорд. Шеманский установил новый мировой рекорд, набрав 487,5 килограмма. Этот атлет, бесспорно, является сейчас сильнейшим тяжеловесом мира. Он сочетает большую физическую силу с высоким техническим мастерством.

Нельзя не отметить одну особенность нынешнего первенства: отлично организованное, оно прошло в исключительно дружественной обстановке, без каких-либо конфликтов. И это очень радостно.

Итак, штангисты СССР снова доказали, что являются сильнейшими в мире. Трудно спорить против фактов, а факты первенства мира таковы: Б. Фархутдинов, Р. Чимишкян, Д. Иванов и А. Воробьев стали чемпионами мира и Европы. Ф. Богдановский и Т. Ломакин получили золотые медали чемпионов Европы. Советские атлеты во всех весовых категориях, где они выступили, заняли только первые и вторые места. Это результат высокого спортивного мастерства.

Сейчас уже началась подготовка к первенству 1955 года, которое состоится в Мюнхене. Там советские штангисты снова встретятся с сильнейшими атлетами мира, для того чтобы и дальше отстаивать дважды завоеванный ими почетный титул чемпионов мира.

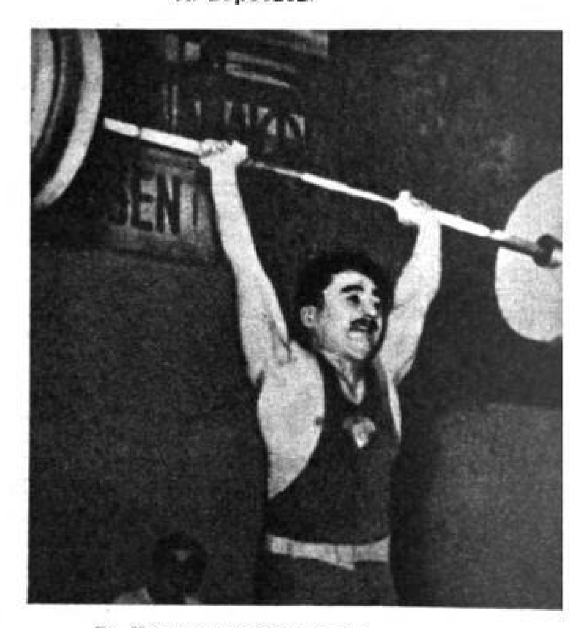

На трибуне почета. В центре Б. Фархутдинов, слева — М. Намдью, справа — А. Мирзаи.

Фото Я. Куценко.

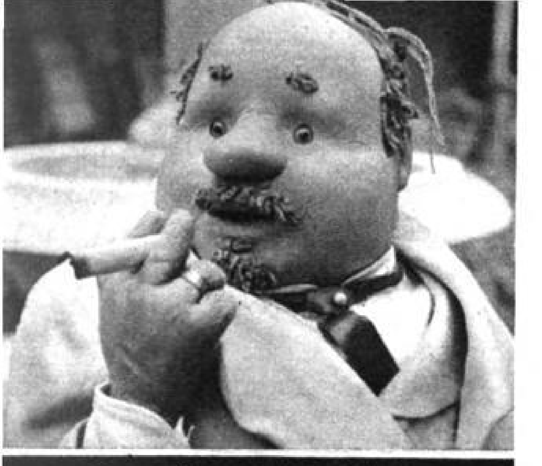
Чемпион мира в полутяжелом весе А. Воробьев.

Р. Чимишкян берет вес.

Т. Коно после установления им мирового рекорда в толчке. На штанге 172,5 килограмма.

Павел Иванович Выходцев.

Получил любовное послание.

В смятении.

Какое разочарование! Письмо написала... жена.

ЧЕГО НЕ ВИДИТ ЗР

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. Умнова.

В одно яркое солнечное утро в Московском зоопарке сидела женщина с альбомом. Она пристально и, видимо, давно следила за маленькой обезьянкой. Та кувыркалась, с удовольствием качалась на ветке, бегала на задних лапах, смешно озираясь, почесывалась,— словом, вела себя крайне независимо. А на листах альбома появлялись все новые ее изображения; в них чувствовались движение, порыв.

Часто заглядывает сюда художник - мультипликатор Надежда Михайловна Привалова. Двадцать пять лет проработала она в студии. Много медвежат, зайцев, обезьян, уток, появлявшихся на экранах, обязаны ей своим, «актерским мастерством»: выразительными жестами, походкой, мимикой. И, тем не менее, когда на экране начинает жизнь новый маленький звереныш, Надежда Михайловна неизменно приходит к его сородичам — наблюдать их повадки.

Художник - мультипликатор должен вдохнуть жизнь в созданного художником - постановщиком героя, заставить его, как искусного актера, разыграть сцену, и разыграть в промежуток времени, точно определенный режиссером.

У колыбели каждого мультфильма стоит режиссер. С секундомером в руках определяет он жизненный путь персонажей: сколько секунд, а следовательно, сколько метров своего маленького жизненного пути должны они потратить на такой-то эпизод, такой-то поступок, разговор, действие, жест, слово и даже букву.

Когда все это с математической точностью рассчитано и проверено, мультипликатор рисует основные фазы движения персонажей. Чтобы действие было увлекательным, герои должны быть не просто «живыми», но и выразительными, наделенными определенными чертами характера, привычками, со своеобразными жестами, мимикой, интонациями.

Но вот сцена разыграна, теперь рисунки идут в цех фазовки — здесь рисуют промежуточные фазы движения персонажа, которые должны связать основные, сделанные мультипликатором. Когда все сцены выполнены вчерне, на прозрачной бумаге, их снимают, монтируют, и эту первую пробу просматривают на экране: не выпало ли какое-нибудь движение, точно ли соответствуют персонажи друг другу, как сочетаются они с рисованными декорациями, со звуком?

На непосвященного человека киноэкран во время этой пробы произвел бы странное впечатление. Вместо того, чтобы, как ему положено, белеть в темноте, он напоминает школьную черную доску, только вместо цифр и букв на ней, словно мелом, нарисованы белые контуры мальчиков. Нарисованные парнишки бегают с быстротой и удалью настоящих, хотя сквозь их бестелесные фигуры просвечивает лес. Совсем уже кажется странным, что эти плоские человечки говорят нормальными, чуть хрипловатыми, крикливыми мальчишескими голосами. Но все это приводит в удивление только посторонних; члены киногруппы смотрят спокойно на темный экран и тихо беседуют: идет просмотр первой негативной пленки, на которой изображены сделанные в карандаше незакрашенные контуры героев фильма. Проба оказывается удачной. Теперь рисунки следует перенести на целлулоид, а затем залить красками в точном соответствии с указаниями художника-постановщика.

В цехе заливки на стенде эталонов происходят совершенно неожиданные встречи: заяц, в течение всей картины удиравший от волка с самым бесстрашным видом, висит рядом с ним, кошка кокетливо смотрит на льва. От каждой фигуры идут в разные стороны десятки линий, заканчивающихся цифрами. Тут дроби, двух- и трехзначные числа. Это эталоны персонажей, действующих в рисунках, над которыми сейчас работает цех. Цифры обозначают номера красок и оттенков, нужных для закраски данного героя. А это немало; более 200 красок на палитре студии мультфильма.

Зоопарк. Художник-мультипликатор Н. М. Привалова знакомится с обезьяной Муськой — прообразом будущего героя фильма.

Наконец наступает завершающий этап работы: на станке у оператора персонажи, уже обретшие плоть и одежду, встречаются с положенными им по сценарию партнерами, «обрастают» рисованными декорациями, на фоне которых надлежит им действовать, и все это вместе фиксируется киноаппаратом. Ну, а дальше все происходит, как в обычном натурном кино...

Долгое время мультипликация считалась искусством для детей. Но большие успехи наших мультипликаторов сделали эти фильмы интересными и для старшего возраста. Теперь в репертуаре студии большое место занимают картины, предназначенные для

На съемках объемного мультипликационного фильма «Карандаш и Клякса — веселые охотники». Слева направо — кукловод В. Долгих, режиссер Е. Мигунов и оператор И. Голомб.

взрослого зрителя. Это музыкальные комедии, басни, фельетоны, сатирические произведения на острые, злободневные темы.

С расширением тематики обратились к незаслуженно забытому жанру объемно-мультипликационных и кукольных фильмов.

Все создавали заново. Предыдущие опыты были далеки от совершенства, а студии не пристало снижать высокий уровень своих картин. Надо было сделать куклу, которая... Тут ставились тысячи требований, и кукле надлежало на них отвечать. Она обязана была легко и плавно двигаться, но вместе с тем прочно застывать в любой позе, быть выносливой, гибкой, подвижной, хорошо носить костюм, быть выразительной, обаятельной, смешной, убедительной,— словом, не каждый актер может соответствовать всем тем требованиям, которые предъявлялись к бедной кукле.

Объемные кинокартины были экспериментальными, на них учились. Когда режиссер Г. Ломидзе поставил фильм «На даче» (по Чехову), стало ясно, что кукольное кино, как и рисованное, имеет свою, только ему присущую специфику, и это необходимо учитывать еще в сценарии. Павел Иванович Выходцев выглядит на экране потому таким обаятельным, живым, смешным, симпатичным, что в самом сценарии он выписан со строгим учетом жанра. А для остальных персонажей авторы фильма не нашли характерных черт, и они получились бледными, мертвыми, неудачными. Фильм «Два жадных медвежонка» был уже интереснее; в нем авторы нашли совершенно различные типажи для двух похожих зверушек. (Режиссер — В. Дегтярев).

Но на этом не останавливались. Ведь в перспективе — комбинированные фильмы, где кукла станет партнером актеру, поэтому неустанно экспериментировали, совершенствовали...

...Над «густой березовой рощей» возвышались два человека. Один протянул руку к торчащей над травой маленькой собачке и быстрым, уверенным движением выпрямил ее собранное в комочек, словно готовое к прыжку тело. Теперь оно неслось в стремительном полете. Находящаяся далеко впереди лиса, которую вел другой, грациозно изогнула спину, лукаво обернув голову к преследующей ее собаке Кляксе. В напряженно вытянутом туловище и кокетливо задранной морде лисы было столько хитрости и коварства, что становилось ясно: Клякса сейчас будет одурачена. Переменив позы животных, оба кукловода опять опустились «в недра» леса. Оператор снял кадр. Затем все повторялось снова— животные принимали все новые и новые позы.

Шла покадровая съемка одного из эпизодов фильма «Карандаш и Клякса — веселые охотники» — первой части предполагаемой серии занимательных похождений Карандаша. На описанную сцену с удовольствием взирал и сам герой — кукла Карандаш. Он стоял тут же, неподалеку, маленький, шустрый, с хитрой улыбкой, запрятанной в уголках губ, и веселыми искорками в глазах.

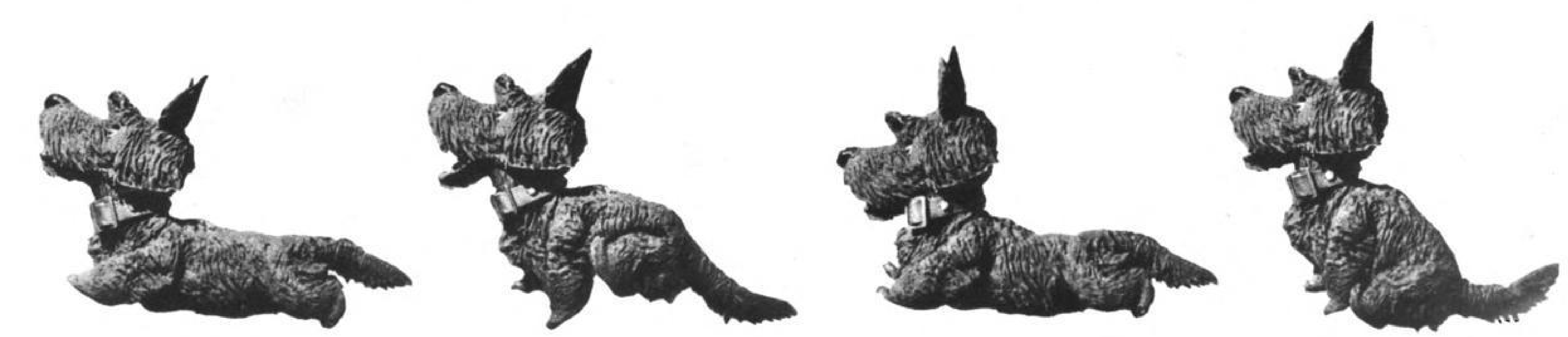
Мягкая пористая резина, из которой было сделано тельце куклы, придавала ее облику пластичность, а спрятанный внутри прочный металлический шарнирный каркас позволял ей производить всевозможные движения и застывать в любой позе. Внутри головки, также выполненной из эластичной резины, находился механизм, который заставлял лицо принимать нужное выражение.

Итак, Карандаш с большим интересом взирал на происходившую охоту. Казалось, он с нетерпением ждал момента, когда, согласно воле режиссера, сможет принять в ней участие. Наконец желанная минута настала: Карандаш попал в лес. Он бегал по следу лисицы, вместе с Кляксой залезал в нору, охотился, стрелял, лазил на дерево... Впрочем, это все зритель увидит и сам, нам же хотелось попытаться рассказать ему о том, что он не увидит на экране.

Первая встреча партнеров — Карандаша и Кляксы.

Пористая резина, из которой делаются туловища кукол, позволяет придавать им различное положение.

ЧУБ

М. БЕЛАХОВА

Рисунки Г. Валька.

Расческу Алеша Будкин купил сразу же после экзаменов. Теперь, дудки, под машинку он вовек не будет стричься! Перешел в седьмой класс, а в седьмом можно ходить с чубом. Теперь-то и подавно, раз вместе с девочками учиться. Уж если стричь, так всех. А девчонки ни за что с косами не расстанутся.

За лето волосы отросли, но разве это чуб? Если даже сильно натянуть его, все равно до бровей не достает. Вот у десятиклассника Валерки — это чуб! Валерка, если тряхнет головой, чуб все лицо закрывает. На всю школу один такой чуб и есть.

Алеша тоже отрастит настоящий чуб. Хорошо, что в лагере он не дал обкорнать себя. Машинкой только сзади и с боков остригли, а ножницами Алеша не позволил парикмахеру работать.

Когда Алеша вернулся из лагеря, дома по-разному отнеслись к его прическе.

Мать сказала:

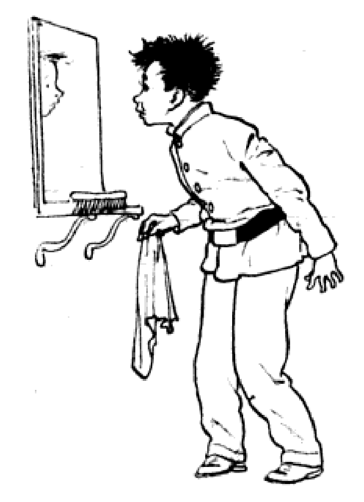
— Батюшки, да у тебя блин на голове! Какое уродство!

Но тетя Катя похвалила:

— Вот у хлопчика и чубчик!

Сестренка, пятиклассница, даже внимания на чуб не обратила. Конечно, ей хорошо, у нее давно косищи выросли! Будет она на какой-то чуб смотреть!

Отец посочувствовал:

— Не лежат, говоришь, волосы? Ничего, привыкнут, сами не привыкнут, надо их приучать!

По утрам Алеша смачивал волосы, делал ровный, как ниточка, пробор и завязывал платком. Туго-натуго, даже голова трещала. Через полчасика он осторожно снимал платок. Но не успевал дойти до зеркала, как волосы самовольно нарушали порядок. На затылке они приподнимались во весь рост и, заняв воинственное положение, застывали. На темени сердито ощетинивались. А самый чуб топорщился на лбу.

Алеша утешал себя: «Конечно, всю жизнь человека стригли, и волосы ни к какому порядку не привыкли».

Он пробовал зачесывать наверх — все равно разбегались. Если вниз причесать, лежат. Но разве это прическа?

Главное дождаться, чтобы волосы подлиннее отросли, тогда он с ними справится. А пока какой ни есть чуб, а все-таки чуб. Если сильно тряхнуть головой, чуб подкидывается немножко. Но трясти, конечно, приходилось на совесть, так, что даже шея заболела. И мать сразу это заметила:

— Ты что, контуженный? Почему вместе с головой туловищем ворочаешь?

С одноклассниками Алеша встретился, когда получал учебники. У всех отросли чубы. Мальчики отошли в сторону от девочек и стали вымерять, у кого больше чуб. Оказалось, у Мурикова чуб глаза закрывал. Но это не потому, что волосы быстро выросли, а потому, что лоб маленький. А поди закрой алешин! И к новому году такой не отрастет.

Глядя на ребят, Алеша понял, что чубом он еще мало занимался. Он только головой тряс. Оказывается, чуб можно на палец или на карандаш наматывать, можно нарочно взъерошить волосы, и тогда получается озабоченный, деловой вид. И фуражку по-разному можно надевать. Можно прятать чуб, тогда фуражка приучит волосы хорошо лежать. Можно так, чтоб чуб торчал. Лихой вид получается! Все это Алеша терпеливо перепробовал.

Мать всерьез начала сердиться:

— Прекрати возню с чубом! Противно смотреть. Эдак скоро на «стилягу» будешь похож.

Накануне занятий Алешу выпроводили в парикмахерскую. Но постригся он так, что чуб не пострадал.

Классная руководительница Вера Сергеевна хоть и смотрела укоризненно на ребячьи головы, но с этой стороны владельцы чубов не ожидали никаких осложнений. Струхнули перед уроком математики. Математику вел директор школы Трофим Никитич. А с ним шутки плохи.

Но Трофим Никитич как будто ничего не заметил. К концу урока ребята осмелели и всяк по-своему занялся прической. Алеша проделал свой коронный номер — тряхнул головой так, что откидушка парты стукнула.

Тут и разразилась гроза.

— Вот что, друзья,— сказал Трофим Никитич.— Прекратите нервные подергивания, не скребите головы и не вытирайте руки о волосы. Если...

Класс замер. Лица вытянулись. Роковое слово «остричься» не было сказано. Но все расчески нырнули в карманы, руки легли на парты, чубы застыли.

С тех пор на уроках математики алешина голова отдыхала. Но на других уроках...

— Будкин! Разбери предложение, написанное на доске,— вызвала его учительница английского языка.

В это время Алеша спорил с соседом по парте, Вовой, из-за расчески. Они хотели поменяться расческами, но в последний момент Вовка почему-то передумал.

Алеша тупо уставился на доску и долго не мог сообразить, что там изображено.

— Будкин,— вызвал его учитель географии,— продолжай рассказывать.

Отвечала до него Люся Пушкарева, а на чем та остановилась, Алеша не слышал. Он крутил чуб.

Наваждение какое-то! Ведь не все же время он занят своим чубом, а как только займется им, сейчас же вызывают.

Шесть лет провел Будкин в школе. Ни одной двойки, ни одной жалобы родителям, ни разу не снизили ему отметку по поведению. Теперь же сыплются одна неприятность за другой. Мать вызывали в школу, и что было после этого, рассказывать не хочется.

А тут еще новые хлопоты прибавились.

Однажды Муриков, глядя на алешину голову, буркнул:

— Подумаешь, прилизался!

Алеша сначала опешил, а потом ахнул.

Да как же он, дурак, не заметил, что Муриков уже давно не причесывается, а нарочно взъерошивает себе волосы. И Гвоздиков тоже. А ведь здорово получается: вид деловой, озабоченный!

Теперь начинай все сначала! Волосы уже привыкли лежать, и надо их отучать от порядка. Долой гребенку! Для новой прически достаточно и руки с пятью пальцами.

Ни мать, ни отец не оценили новой моды.

— Алеша, причешись!

— Сынок, постригись!

А тетя Катя посоветовала:

— Смажь головку постным маслом.

«Что они пристали? Ничего не понимают. В конце концов моя голова, какое им дело до нее!»

Но однажды... Нет, нельзя сказать «однажды». «Однажды» может всякая мелочь случиться. А тут произошло такое, что вовек не забудешь.

Шел урок геометрии. Трофим Никитич вызвал к доске Мурикова и внимательно посмотрел на его шевелюру. Потом встал, оглядел весь класс, остановил взгляд на голове Гвоздикова, потом Будкина и сказал:

— Понимаю! Новая мода, значит, появилась. Мурикову, Гвоздикову и Будкину остричься под нулевку. Поняли?

Еще бы не понять!!!

Сразу после обеда Алеша грустный сел за уроки. Сестренка заметила:

— Сначала надо погулять, а потом делать уроки.

— Овес к лошади не ходит,— выпалил Алеша.

Сестренка вытаращила глаза. Алеша хотел сказать другую пословицу, «Яйца курицу не учат», но нечаянно сказал эту. Все неладно!

Пришла с работы мать.

— Как дела, ребята?

Сестренка табель в руки — и к ней, хвастаться. Алеша только буркнул:

— Не спрашивали.

А потом тихий и смирный подошел к матери:

— Дай мне восемьдесят копеек. Остригусь.

— Пора. Подожди, а почему восемьдесят? Ведь твоя стрижка стоит теперь рубль двадцать?

— Я под машинку,— уныло объяснил сын.

Чуб, великолепный каштановый чуб с рыжинкой от летнего загара, упал на белую простыню, которой парикмахер прикрыл алешин костюм.

— И правильно делаете, молодой человек,— беззаботно говорил парикмахер.— Волосы лучше будут расти. И гигиенично. Одеколончиком побрызгать?

Алеша сидел, опустив голову. А когда глянул в зеркало, чуть не расплакался: лысый, настоящий лысый! Лицо, шея темные от летнего загара, а голова совсем белая.

Вечером мать мыла ему голову. Прямо мочалкой.

— Зачем ты перья о голову вытирал? Сплошные чернильные пятна! Да не шмыгай носом, не расстраивайся. Волосы не голова, отрастут. А пока отрастут, может, и голова поумнеет.

Стихи для детей

Геннадий **МАМЛИН**

ФЕДЯ В ЛИФТЕ

Три часа уже волнуются соседи,
Три часа монтера ищет управдом,
Три часа томится в лифте мальчик Федя
Между третьим и четвертым этажом.

Стар и мал на нашей лестнице толпится,
И мальчишек любопытных не унять,
Словно там сидит диковинная птица,
А не Федя из квартиры номер пять.

Как мартышку, кормят Федю через сетку,
И набил уже карманы Федя впрок.
Даже грозный управдом принес конфетку,
Даже хмурая лифтерша — пирожок.

Два профессора дают советы Феде,
Из квартиры вышел даже генерал,
Посочувствовал и даже на «Победе»
Прокатить его под вечер обещал.

Все сочувствуют ему в печальной доле.
Только пленник — о! — совсем наоборот,
Он судьбой своей завидною доволен,
Он готов томиться сутки, месяц, год.

Жил он долго без всеобщего вниманья,
Был в тени несправедливо до поры,
Но теперь он, Федя, центр мирозданья,
И вокруг него вращаются миры.

И не надо быть отличником при этом,
И героем быть при этом ни к чему.
Он прославлен, он воспет уже поэтом,
Генералы обращаются к нему.

Стал он, Федя, исключением из правил.
Столько публики привлек недаром он.
И когда пришел монтер и лифт исправил,
Был наш пленник не на шутку огорчен.

Но с тех пор, решив, что в чине он немалом,
Задирает Федя нос под облака.
Он здоровается только с генералом,
А приятелям кивает свысока.

МАСКА

Подарили маску Вере,
Не найти страшнее зверя.

Смотрит бабушка с опаской:
Не на шутку зверь сердит.
— Отгадайте, кто под маской? —
Вера басом говорит.

— Ну-ка, прячьтесь все теперь!
Я сегодня дикий зверь.

Мама спряталась за кресло,
Папа спрятался за дверь.

Вера в кухню побежала,
Двух соседок напугала,
Напугала почтальона,
Повстречавшись с ним в дверях.
— Ах! — сказал он изумленно. —
Я ошибся второпях.
Видно, выбыл адресат,
Здесь открылся зоосад.

Даже дворник бородатый
Закричал: — Постой, куда ты?
Хоть глазам своим не верь,
По ступенькам скачет зверь.

Зверь грозил прохожим лапой,
Зверь рычал.
Но вдруг умолк.
И тогда услышал папа,
Что заплакал серый волк.

— Ой, боюсь! Такого в сказке
Не придумаешь! — кричит.

Посмотрели: Вера в маске
Перед зеркалом стоит

ВЕСЕЛЫЙ СОРОЧОНО

На даче профессора московской консерватор И. В. Способина в подмосковном поселке Абрамце появился нежданный гость: на веранду влетел мале кий сорочонок. Он скоро стал ручным. Когда дачни завтракают или обедают, сорочонок взлетает на ст и разгуливает по нему в ожидании угощения, котор охотно принимает из рук.

Пернатый гость особенно подружился с детьми. утрам он влетает в их комнату, садится на подушку теребит за волосы, оповещая, что наступил нов день, пора вставать и поиграть с гостем, покормить е

Сорочонок не робеет и перед овчаркой Дружком: он то подкрадывается к мирно дремлющей собаке и начинает клевать ее хвост, то взлетает на голову.

Оправдывая прозвище «сорока-воровка», птенец таскает и прячет блестящие и яркие предметы.

Семилетний Витя в этом году впервые идет в школу. Мальчику купили ранец, тетради, ручку, карандаши. Он расположился за столом, чтобы освоить это новое «хозяйство». Сорочонок тут как тут: он тоже должен обследовать школьный набор.

Карандаш — вещь, заслуживающая внимания... Куда бы схоронить эту ценную вещь?

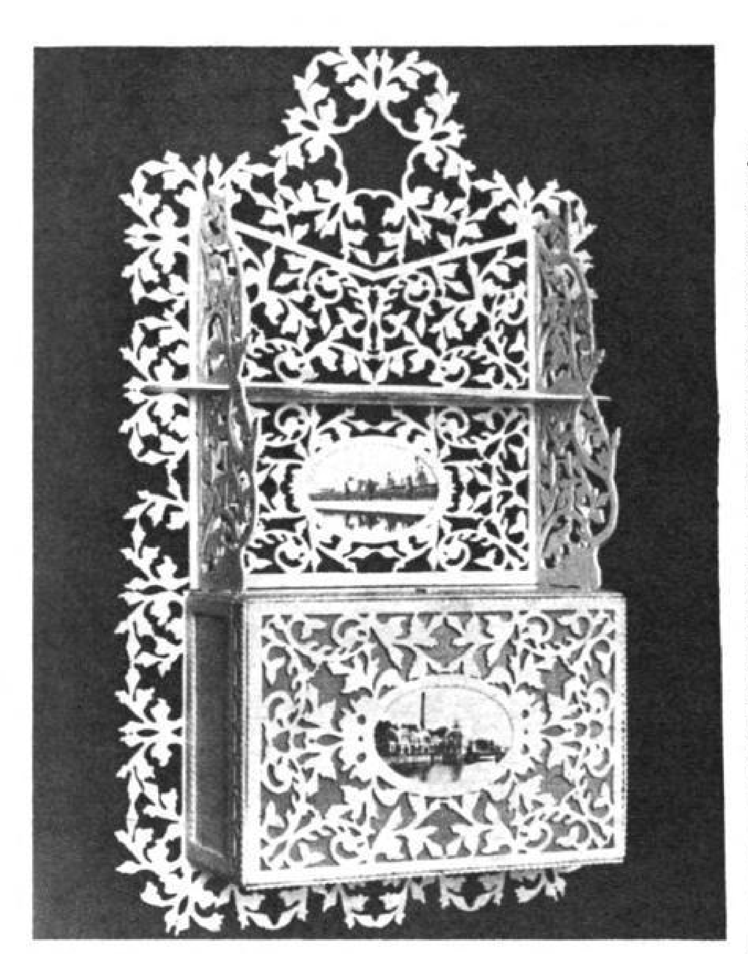
Спрячу его в ранец!

* * *

Много веселых улыбок вызвали проказы сорочонка. Однако наступи учебный год, пришлос расстаться с дачей распрощаться с забавно птичкой...

А. КРУПНОВ

Фото В. Котляра.

Из почты «Огонька»

МОДЕЛЬ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ ИЗ ДЕРЕВА

По просьбе ряда читателей журнала, которые успешно выпилили из фанеры подставку для отрывного календаря с силуэтом памятника Богдану Хмельницкому (см. «Огонек» № 6), даю фотоснимок еще одной моей работы — шкафчика-этажерки.

Быть может, и она заинтересует любителей выпиливания из дерева.

В. ЗИНОВЬЕВ

Киев.

Исчезающее озеро

В 1902 году географ, профессор Венского университета Готфрид Мерцбахер проник на Тянь-Шань, к леднику Иныльчек. На Тянь-Шане ученого привлек пик Хан-Тенгри, открытый за полстолетие перед этим П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Пик Хан-Тенгри находится в верховьях ледника Иныльчек. Мерцбахер начал путь к пику по этой неизвестной ледяной «реке». Увидев пик вблизи, ученый отказался от попытки штурма, считая, что достичь вершины невозможно. (Как известно, советские альпинисты трижды поднимались на вершину Хан-Тенгри.)

В восемнадцати километрах от языка ледника Иныльчек ледовый поток разделяется на две ветви — северную и южную. В устье северной ветви профессор обнаружил удивительное озеро. Оно преграждало путь к истокам северной ветви ледника. По водной глади плавали огромные айсберги самых причудливых форм. Глазам исследователей представилось одно из чудес высокогорной природы — озеро с ледяными берегами, кусочек Арктики в центре Азии!

Лет сорок назад озеро посетили офицеры русского корпуса военных топографов. Одна группа, проникшая на ледник Иныльчек в июле, в донесении отметила большое озеро, расположенное среди вечных льдов.

Другая группа побывала там же в сентябре, и на ее маршрутной съемке никакого озера отмечено не было.

Куда же делось озеро?

Только советские исследователи сумели ответить на этот вопрос.

Оказалось, что летом, когда ледник движется быстрее и своим льдом задерживает талые воды в озерной котловине, в ледяном берегу образуются огромные трещины. Через них вода устремляется вниз по долине, наполняя по пути впадины и промоины, и, наконец, вырывается в широкое ущелье Иныльчек, затапливая его от склона и до склона. Это явление происходит ежегодно, обыкновенно в конце лета.

В. РАЦЕК

Кинооператор Фрунзенской студии хроникальных фильмов С. И. Авлошенко на берегу озера Мерцбахера.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Соединение углерода с металлом. 4. Грузовое судно. 7. Город, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 8. Речь действующего лица. 12. Название ветра на Байкале. 14. Радиоактивный металл. 15. Порядок расположения рядов войсковой части. 18. Персонаж из «Бани» В. Маяковского. 19. Работник литературы. 20. Хлебный злак. 21. Произведение И. С. Тургенева из «Записок охотника». 23. Обработка поверхности. 27. Озеро в Венгрии. 28. Потребности, интересы. 29. Архитектурный стиль. 30. Китайское парусное судно.

По вертикали:

1. Строфа в песне. 2. Размеренность. 3. Французский композитор XIX века. 4. Город в Северо-Восточном Китае. 5. Кровельный материал. 6. Персонаж поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина. 9. Доводы, доказательства. 10. Предприятие печати. 11. Специальность работника типографии. 13. Наука. 16. Вид стихотворения. 17. Метод исследования. 20. Спортивное состязание. 22. Река, впадающая в Восточно-Сибирское море. 23. Занавеска. 24. Писатель и общественный деятель Индии. 25. Бревна, скрепленные для сплава. 26. Боец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

3. Мальцев. 6. Пленум. 7. Премия. 10. Шахматы. 12. Кроки. 14. Слово. 15. Ленинград. 18. Богатырь. 19. Активист. 22. Дутар. 24. Эстрада. 26. Дворжак. 28. Конкурс. 31. Слет. 32. Труд. 33. Директива.

По вертикали:

1. «Радуга». 2. Декрет. 4. Блеск. 5. Титул. 8. «Смена». 9. Кривоносов. 11. Автострада 13. Плеть. 14. Сдвиг. 16. Неруда. 17. Рекорд. 20. Отсек. 21. Артель. 23. Трибун. 25. Доктрина. 27. Выставка. 29. Ионет. 30. «Унита».

В этом номере на вкладках: четыре страницы воспроизведений картин художников Азербайджана, Армении и Грузии (репродукции Н. Барабанова) и четыре страницы этюдов В. С. Захаркина и Н. Н. Золотарева.

ГИБЕЛЬ БЮРОКРАТКИНА

Рисунки Ю. Узбякова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 06989. Подп. к печ. 9/XI 1954 г. **Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.** Тираж 650 000. Изд. № 955. Заказ 3219. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Сережа Корчагин, юный новосел Кулундинского зерносовхоза в Алтайском крае.
Фото Галины Санько.

Цена номера 3 руб.